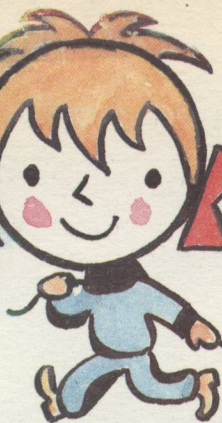
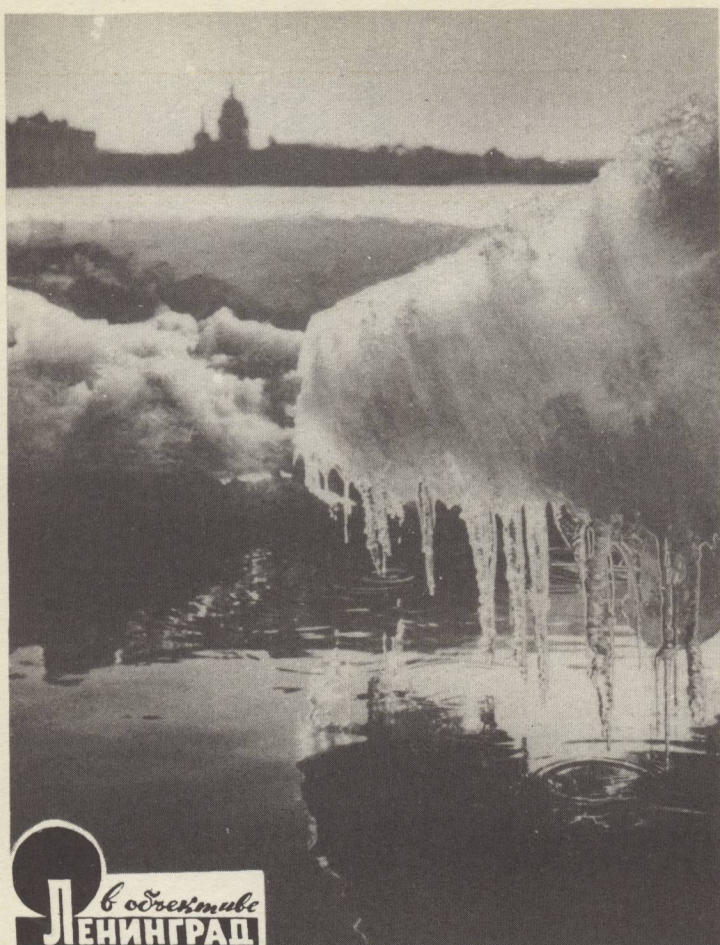

ИСКРКА

3 МАРТ
1985

В ЛЕНИНГРАД
ПРИШЛА
ВЕСНА

Л в объективе
ЛЕНИНГРАД

ИСКОРКА

газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

3 МАРТ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Лев КУКЛИН

Рис. Л. Коломейцевой

Про красных следопытов

и мою бабушку

Я с доброй бабушкой моей
Немало лет дружу,
За хлебом и за молоком
Я вместе с ней хожу.

Никто вкуснее не печёт
С грибами пирожков,
И сказки для меня она
Читает без очков.

А как-то горн и барабан
Раздались вдруг у нас:
На встречу с бабушкой моей
Явился целый класс.

Давным-давно, давным-давно
Окончилась война,
Смотрю я — бабушка моя
Надела ордена!

И главный красный следопыт
«спасибо!» ей сказал.
А я-то вместе с нею жил
И ничего не знал...

Совсем не знал, что у меня
Есть бабушка-герой.
На фронте бабушка моя
Служила медсестрой,

Она израненных бойцов
Спасала из огня.
А ведь её могли убить! —
И не было б меня.

Но только бабушка моя
Не струсила в бою.
Теперь я бабушку свою
Ещё сильнее люблю.

Давным-давно, давным-давно
Затих смертельный бой...
А у меня, а у меня
Есть бабушка-герой!

Николай
Внуков

ГОЛУБОЕ СТЕКЛО

П О В Е С Т Ь

Сколько я себя помню — мне никогда не везло.

Если я затевал какую-нибудь игру со своими товарищами, то обязательно её проигрывал и потом долго размышлял, почему так вышло.

Если на улице происходила драка, то я обязательно оказывался в самом её центре. И хотя я никого и ничего не боялся, после драки больше всего шишек и синяков было на мне.

Если меня в школе неожиданно спрашивали, то почему-то именно в этот день я или очень плохо урок знал, или не знал совсем.

Если дома я начинал варить борщ, то в этот день у нас вообще не было первого, а моё варево оказывалось в помойке.

И так — во всём.

Говорят, что некоторые люди рождаются под счастливой звездой. Я, наверное, родился в переходный период, когда силы приро-

ды находились в каком-то неустойчивом равновесии. Они, видимо, колебались от знака «плюс» к знаку «минус», всё время проскакивая среднее положение. И мой характер тоже получился таким. Я жил на крайних пределах — то минусовых, то плюсовых. Причём минусовых опять-таки было больше.

Моя фантазия всегда намного опережала действительность. Мои возможности всегда были ниже тех, что рисовались в моём воображении. И все мои начинания оканчивались почему-то совсем не так, как должны были закончиться.

Я вспоминаю свой самый первый день в школе.

Мы стояли на школьном дворе стайками: каждая стайка — будущий класс. Нашей стайкой командовала худощавая, смуглая, черноволосая Татьяна Михайловна, очень похожая на ворону. Она должна была стать нашей учительницей.

Продолжение. Начало в «Искорке»
№ 1, 2.

— Дети,— сказала она,— не шумите, пожалуйста. Вы уже взрослые и не дома, а в школе.

После этих слов мы зашумели ещё громче. Мы никак не могли понять, почему взрослые должны молчать, когда кругом столько интересного.

Ко мне подошёл белобрысый мальчишка с огромным портфелем. Глаза у мальчишки были серые, волосы стрижены ёжиком, брюки аккуратно отглажены.

— Тебя как зовут? — спросил он, взглядывая на меня сверху вниз. — Вот меня зовут Орион. А ты кто?

— А я — Внуков,— ответил я.

— Вот дурак! — сказал он. — Что это за имя такое — Внуков?

— Это не имя, а фамилия,— сказал я.

— Значит, ты — Внук, Внучок! Да? — заорал он. — Ребята, у нас в классе будет бабушкин внучок. Уа-уа!

Мне такими противными показались глаза мальчишки и особенно его длинный нос, что я схватил свой портфель обеими руками и изо всех сил ударил им белобрысого по голове.

— Ах, ты так! — заорал он и в свою очередь ударил меня. Его портфель был настолько тяжёлым, что я присел. В следующее мгновение я схватил его за ногу и мы оба упали на землю.

Девочки завизжали.

— Мальчики, мальчики, что же вы делаете?! Сейчас линейка! Сейчас построение! Внуков, немедленно отпусти Кириллова! — закричала Татьяна Михайловна.

Но я мёртвой хваткой вцепился в воротник рубашки белобрысого, и оторвать меня от него было уже невозможно.

Кончилось тем, что нас, пыльных, потных, измятых, поставили на линейке в самый задний ряд.

— Если бы ты не схватил меня за ногу, я бы тебе дал! — сказал Кириллов.

— погоди, я тебе ещё дам! — ответил я.

В классе нас посадили за одну парту.

А через час мы подружились.

На следующий день я снова бродил по городу. Теперь мне хотелось найти Сентябрьскую улицу. Там была старая наша квартира и уютный двор, и у забора старая-престарая груша, на которую я любил забираться. С груши видны были Почтовая улица и другие дворы и, сидя на какой-нибудь толстой ветке, было интересно наблюдать за жизнью.

А осенью на дереве поспевали чудесные груши. Перезревшие, они мягко шлёпались о землю и разбивались в лепёшки, из которых торчали коричневые черешки...

Теперь Почтовая называлась улицей Ногмова. Вот поворот с Кабардинской. Три десятка шагов — и я там, где раньше была коротенькая Сентябрьская, соединявшая Почтовую с Революционной.

Улицы, конечно, не было. Были зелёные приоткрытые ворота, за ними — большой двор, в конце которого стояло серое одноэтажное здание. А направо — ещё одни ворота, и над ними — старая, почти высохшая груша. Только несколько веточек зеленело на ней.

Я вошёл в наш бывший двор. Медленно подошёл к груше и погладил ладонью её морщинистый ствол: «Сколько же тебе лет сейчас, если ты была старенькой уже тогда, когда я был мальчишкой?»

Я снова вышел на Почтовую, вернее — на Ногмова, и направился к речке.

Всё тот же высокий глинистый обрыв с крутым спуском ступеньками. Всё та же окатанная галька на берегу и сонно журчащая среди неё вода. Только мост новый — и

на другом месте. И на том берегу вместо низеньких белых домиков, прячущихся в садах, — трехэтажные здания.

— Это что — Вольный аул? — спросил я женщину, идущую по берегу к мосту.

— Да, Вольный аул.

Я спустился к самой воде. Становилось жарко. Пот заливал лицо. Сунул руку в карман за носовым платком — пальцы наткнулись на острое ребро стекла. А я-то думал, что оставил его на тумбочке в гостинице!

Я повертел стекло в пальцах и машинально поднёс к глазам, — на белой галке против меня стояла моя тётя Лена. А рядом с ней худой и обожжённый, будто скрученный из старой медной проволоки, пританцовывал Владик Замуков в чёрных трусиках. Я опустил глаза. На мне тоже чёрные трусики, а у ног — серые мальчишеские штаны и голубая сатиновая рубашка.

— Пойдите, успеете ещё в воду, — сказала тётя. — Ну-ка, Никола, подойди ко мне.

Я подошёл.

Она внимательно осмотрела меня со всех сторон и вздохнула:

— Хилый ты у меня какой-то растёшь. Бледный и узкогрудый. Надо бы подкрепить тебя немного.

Я вовсе не чувствовал себя хилым и узкогрудым и не хотел ничем подкрепляться. Мне достаточно было того, что во мне есть. Дрался я в школе довольно лихо. Бегал тоже неплохо. И бледным меня нельзя было назвать — нос и плечи у меня всё время шелушились и облезали от солнца. На тётины слова в тот день я не обратил никакого внимания.

И вот на столе за завтраком среди прочего — большая бутылка белого стекла, в которой слабо желтеет какая-то жидкость.

Я удивлённо смотрю на бутылку: раньше её на столе у нас никогда не было. Неужели тётя вместо сливочного масла решила перейти на подсолнечное?

— Это — рыбий жир, — говорит она. — Будешь пить его три месяца.

Мне всё равно. Рыбий, так рыбий. Никогда в жизни я его не пробовал. Но если надо, так надо.

Когда я был во втором классе, тётя тоже подкрепляла меня. Из порошка какао, мёда, свиного сала и ещё чего-то она сварила коричневую смесь и вылила её в двухлитровую банку. Когда смесь загустела, она стала похожа на мягкий душистый шоколад. Вкус у неё был потрясающий. Тётя давала мне её строго по порциям — три столовые ложки в день после еды. Я решил, что мне этого мало, и подсмотрел, куда она прятала банку. Однажды, оставшись дома один, я добрался до этой банки и устроил грандиозный пир — съел сразу ложек десять. Тётя не заметила. А я решил, что есть одному такую хорошую вещь — слишком большая роскошь. И через два дня, когда тётя ушла на суточное дежурство в больницу, я пригласил к себе всех мальчишек из нашего класса и одну девочку — Риту Скороходову. Я торжественно поставил банку на стол и раздал всем ложки. Нас было двенадцать человек, ложек на всех не хватило, поэтому некоторые ели с одной и той же ложки. Я ел с ложки Риты Скороходовой.

Банка опустела за несколько минут. Смесь всем очень понравилась, а Рита сказала, что попросит свою маму сделать такую же и тогда пригласит всех нас к себе.

После этого случая моя тётя больше такой вкусной штуки не варила, а сказала, что я — беспринципный человек.

И вот теперь — рыбий жир.

Тётя отрезала маленький кусочек чёрного хлеба, посолила его и протянула мне:

— Держи.

Потом откупорила бутылку и

«Мы стояли на школьном дворе стайками: каждая стайка — будущий класс. Нашей стайкой командовала художавая, смуглая, черноволосая Татьяна Михайловна, очень похожая на ворону. Она должна была стать нашей учительницей».

налила густую жидкость в столовую ложку.

— Открой рот,— сказала она.— Хлебом заешь.

Когда я с усилием, давясь и пукая пузыри, проглотил наконец то, что тётя влила мне в рот, я сразу же понял, что рыбий жир не по мне. И что мне предстоят длительные мучения, потому что бутылка была большая.

Но с тех пор так и пошло: утром, в обед и вечером тётя Лена солила кусочек хлеба или клала на блюдечко дольку солёного огурца и доставала из кухонного стола бутылку. Она её не прятала так, как прятала когда-то шоколадную смесь.

Увидев бутылку, я сразу же закрывал глаза и отворачивался. Я не мог равнодушно смотреть, как рыбий жир переливается из горлышка в ложку. Дальнейшее происходило, как во сне. С жуткой гримасой я открывал рот, она вталкивала в него ложку, я судорожно глотал, заедал огурцом или хлебом, а потом долго сидел, медленно приходя в себя.

Три месяца!

Надо было вынести три месяца таких мучений!

Голова моя стала работать на предельной нагрузке. Я выдумывал тысячи способов, как избавиться от рыбьего жира, но ничего путного не придумывалось. Я даже решил было тайком от тётки вынести бутылку в огород и вылить этот паршивый жир в картошку. Но сразу же понял, что ничего не выиграю, а наоборот — проиграю. Тётя пойдёт в аптеку и купит другую бутылку. Полную! И мне придётся повторить всё с самого начала.

Я думал несколько дней, и, когда казалось, уже схожу от напряжения с ума, выход нашёлся.

Я выждал, когда тётя собралась на рынок, и, как только дверь за нею захлопнулась, бросился в кухню и вынул из стола злополучную бутылку. Жира в ней оставалось ещё много — больше половины. Там же, в столе, я нашёл большую эмалированную кружку и вылил в неё противную жидкость. Потом поднял крышку погреба, на ощупь отыскал ведро, в котором у нас были солёные огурцы, и вытащил из него самый крупный огурец.

Огурец я разрезал на дольки.

Долго сидел, подготавливая себя к тому, что сейчас произойдёт.

ПРОЧИ
ЭТУ КНИГУ

«Мне стыдно, что я не могу понять и любить музыку великих композиторов. Но что я могу сделать, если я её нигде не изучал и не слушал?»

«Можно ли научиться понимать серьёзную музыку или для этого надо быть специалистом-музыкантом?»

Наконец, закрыл глаза, поднёс кружку к губам и, давясь, задыхаясь и вздрагивая от отвращения, выпил всю кружку до конца. Быстро-быстро заел огурцом и сунул бутылку и кружку в стол.

Когда стукнула входная дверь, я с просветлённым лицом бросился к тётке Лене.

— Всё, тётечка, всё! Мне больше не нужно пить рыбий жир! Я уже поправился!

— Что? — не понимая, спросила тётя.

— Я поправился! И не нужно пить этот противный жир по ложечке!

— Рыбий жир? — переспросила тётя. — Что ты с ним сделал?

— Я его весь выпил. Сразу. Это лучше, чем постепенно!

Только сейчас до тётки дошло. Она открыла стол, увидела пустую бутылку и испуганно всплеснула руками:

— Господи, что с тобой теперь будет?!

В школу я не ходил три дня.

Расстройство желудка было настолько сильным, что я пожелтел, ослаб и при ходьбе меня шатало.

Но вторую бутылку тётя уже не купила.

А через несколько дней Татьяна Михайловна сказала, что в школе организован драмкружок и нашему классу поручили поставить пьесу по сказке Пушкина «О попе и о работнике его Балде».

Мы заорали, начали прыгать через парты и хлопать друг друга книжками по головам.

— Тише! — сказала Татьяна Михайловна. — Сейчас мы распределим роли.

Мы заорали ещё громче.

Татьяна Михайловна переждала шум и сказала:

— Гриша Афонин будет попом.

— Ур-р-ра!!! — разнеслось по классу, и все обернулись в сторону парты, где сидел Гришка. Афоня был самым толстым в классе, и лучшего попа придумать было нельзя.

— Поп! Поп! Поп! — посыпалось на Афоню со всех сторон.

А он сидел гордый раскрасневшийся, радостный, и на лице его расплывалась жирная улыбка. Роль попа была самой длинной в спектакле.

— Владик Кощеев будет Балдой!

Все мгновенно забыли про Гришку и повернулись к Владiku.

«Мне хочется, чтобы музыка стала в моей жизни такой же необходимостью, как и книги, без которых я просто не знаю, как жить. Но как это сделать? Научите, пожалуйста!»

Это строки из детских писем, присланных на радио. Письма показали Дмитрию Кабалевскому, замечательному нашему композитору и педагогу. Дмитрий Борисович увидел в них не праздное любопытство, а серьёзную тягу ребят к музыке, к искусству. Он подробно ответил на письма по радио. А позднее из его бесед со школьниками родилась книга с интригующим названием — «Про трёх китов и про многое другое».

«Представим себе такую кар-

тину, — пишет Дм. Кабалевский во вступлении к книге. — На концертную эстраду вышел пианист и что-то заиграл. А в зале сидит... один человек. Это композитор, автор звучащей с эстрады музыки. Пианист кончил играть. Он шумно аплодирует и кричит: «Автора! Автора!». Автор поднимается на эстраду. Они пожимают друг другу руки, радуются общему успеху, желают друг другу новых творческих удач... А кругом удручающая тишина

— Балда! Олух! Дурак! — по-неслось по классу.

Владька растерянно моргал глазами и смешно поворачивал на крики белобрысую голову.

— Старым Бесом будет Игорь Мироненко!

Тут криков не было. Все просто повернулись и посмотрели на Игоря.

Мироненко, насупив брови, глянул на всех. Не улыбнулся, не дёрнул плечами, не скорчил забавную рожу — просто глянул и отвернулся. Он был самым высоким и самым сильным мальчишкой в нашем классе. Одной рукой он мог побороть двоих таких, как я.

— Внуков, Разов, Колесников и Кириллов будут маленькими бесенятами!

Класс снова взорвался смехом и криками.

Мы были самыми низкорослыми в четвёртом «А» и всегда держались отдельной стайкой. Вчетвером мы представляли силу не меньшую, чем один Мироненко, поэтому, когда мы были вместе, нас не трогали. Зато рассчитывались с нами поодиночке.

Затем Татьяна Михайловна назначила какого-то цыгана, продав-

цов на базаре, двух мужиков и выпустила нас по домам, наказав ещё раз хорошенько прочитать сказку.

Я примчался домой в самом прекрасном расположении духа.

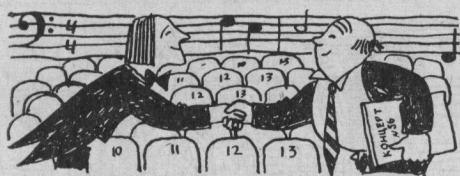
— У нас драмкружок, — закричал я с порога. — Мы ставим сказку о попе и о Балде! Меня выбрали чертёнком!

— Ты как раз очень подходишь на эту роль, — сказала тётя. — Когда будет спектакль?

— Через месяц. Мне надо ещё раз прочитать сказку.

— Читай. А Татьяна Михайловна — молодец. Хоть болтаться без дела не будете.

Из чёрного сатина тётя Лена сшила мне замечательный костюм. Он плотно обтягивал тело, как трико у клоуна. А на голове красовалась такая же обтягивающая шапочка с двумя рожками, похожими на маленькие чёрные морковки. Я попросил, чтобы она сделала ещё маску, закрывающую лицо. Она пришила маску прямо к шапочке. Прострочив полоску сатина, вывернула её наизнанку, и получился хвост. Я сам вставил в него проволоку, обёрнутую ватой, и красиво загнул. Тётя пришила хвост сзади к трико.

пустого зала». И далее Кабалевский подводит итог: «Для того, чтобы музыка стала настоящим живым искусством, мало композитора и исполнителя — в один ряд с ними должен встать слушатель».

Книга Дмитрия Кабалевского как раз и написана для будущего слушателя серьёзной классической музыки.

Такова, коротко, история создания книги, которую «Искорка» советует тебе прочитать. А те-

перь попробуем расшифровать её название.

В давние времена, когда лишь зарождалась человеческая цивилизация и люди ещё не умели объяснить многие окружающие явления, они придумали, будто Земля похожа на диск, со всех сторон окружённый океаном, и лежит она на спинах трёх китов. Сейчас мы, конечно, слушаем эту легенду с улыбкой. «А при чём тут музыка?» — спросите вы. А при том, что в музыке и в самом деле существуют свои «три кита», и на них по-настоящему держится вся существующая ныне музыка. Дмитрий Кабалевский подробно знакомит читателей с этими могучими «китами». И оканчивается, что первый «кит» —

С каким нетерпением ожидал я спектакля! Я представлял, как эффектно выскочу на сцену, вызванный старым Бесом, как побегу наперегонки с зайцем и как весь зал замрёт и ахнет, увидев меня.

Наконец этот день настал.

В нашей школе не было специального зала для собраний и спектаклей. В конце коридора второго этажа, перед дверью в пионерскую комнату, была построена сцена, на которую шли по лесенке в три ступени. Сцена возвышалась над полом почти на метр. Под ней всегда было темно, и мы очень любили на переменах исследовать мрачные подценные закоулки. К сожалению, в верхнем коридоре почти всегда дежурил преподаватель.

В день спектакля над сценой поперёк коридора натянули занавес из серой материи, перед сценой поставили стулья, стены украсили рисунками ребят из изокружка.

Мы переодевались в пионерской комнате. За нами присматривала пионервожатая Люся.

До этого я считал свой костюм самым красивым. Но когда Игорь Мироненко надел свой — я был сражён наповал.

Старый Бес выглядел настоящим

бесом из преисподней. На его лице горбился кривой нос из чёрной бумаги. Глаза сверкали из-под мочальных бровей. До самого пояса опускалась мочальная борода. Спина и грудь его поросли дикой шерстью. Ноги кончались копытами. А на голове двумя серпами изгибались самые настоящие рога!

Мы, бесенята, сразу затихли, когда увидели своего предводителя в таком обличье, подошли к нему робко, и он великодушно разрешил нам потрогать свой костюм.

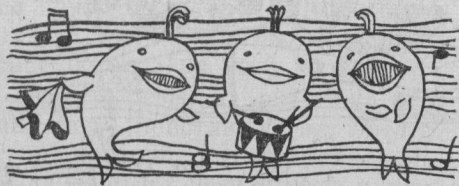
Дикая шерсть на груди и спине Игоря оказалась вывернутой наизнанку овчинной душегрейкой. Копыта — русскими сапогами, за голенища которых были засунуты полосу лохматой овчины. Но рога на голове были настоящими, коровьими — они росли из белой костяной пластины — куска коровьего черепа. В пластине отец Игоря просверлил по бокам две дырки, вдел в них шнур, и таким образом пластинку можно было прикрепить к голове.

Игорь снял рога и дал примерить. Они оказались такими тяжёлыми, что клонили наши головы вниз.

— Голова закружится — носить такие, — сказал Разов, самый из нас маленький.

песня, второй «кит» — танец, третий — марш. Они приходят к человеку вместе с игрушками и колыбельной, становятся частицей его жизни и сопровождают человека до самого конца, вплоть до траурного марша.

Но нельзя ограничивать своё знакомство с музыкой только «тремя китами». И Дмитрий Кабалевский помогает своим читателям-слушателям проложить мостики, по которым легче войти в мир большой музыки. От

песни, танца и марша он ведёт ребят к опере, балету и симфонии. Знакомит с композиторами разных веков, разных стран мира, разных национальностей... От музыки лёгкой — к музыке серьёзной.

А что скрыто во второй части заголовка книги — «...про многое другое»?

Оказывается, музыка не существует одна, сама по себе. Прежде всего она не может жить без литературы. «Музыка и литература — родные сёстры», — утверждает Дм. Кабалевский. Связана музыка и с живописью. Музыка рисует! Музыка изображает! Кабалевский показывает, как рисует музыка летнюю ночь, изображает полёт шмеля, доно-

— Слабаки! — с презрением сказал Игорь. — Дай сюда.

И он с гордостью водрузил на голову свой страшный шлем.

А на сцене шла суетня.

Ребята передвигали столы, изобравшие торговые ряды на базаре, развешивали на них ткани — куски кумача и серой саржи, взятые из пионерской комнаты, пирамидками раскладывали ярко раскрашенные макеты овощей и фруктов, принесённые из кабинета биологии. Здесь же прохаживался поп — Гришка Афонин. В широкополой шляпе, с белой ватной бородой, в отцовском пальто, доходившем ему до пяток, с картонным крестом, повешенным на грудь на цепочке от ходиков, он выглядел очень солидным и в то же время смешным.

Татьяна Михайловна, увидев нас, вылезших из пионерской комнаты, махнула рукой:

— Брысь! Брысь! Вас ещё не хватало! Сгиньте!

И мы сгнули под сцену до того момента, когда наступит наш черёд.

Нам очень хотелось увидеть начало спектакля, но Татьяна Михайловна строго-настрого запретила высовывать головы из-под пола. Сидя в полутьме, мы слышали топот ног над головами, приглушен-

ные голоса, звукдвигаемых стульев в зале, команды пионервожатой.

Наконец всё затихло.

— Занавес! Занавес! — громко зашептала Татьяна Михайловна.

Пионервожатая Люся объявила, что сейчас зрители увидят первую работу драмкружка школы, и начала громко читать первые строчки сказки:

Жил-был поп,

Толоконный лоб.

Пошёл поп по базару

Поискать кой-какого товару...

По смеху зрителей мы поняли, что на сцену вышел Гришка Афонин. И тут мы начали спорить, кто первым выскочит на сцену, когда нужно будет бежать наперегонки с зайцем.

На репетициях мы бегали все четверо, по очереди, чтобы никому не было обидно. А сейчас Татьяна Михайловна забыла объявить, кто будет бежать первым на спектакле. Мы начали тихонько выглядывать из-под сцены, но Татьяны Михайловны нигде не было видно. Тогда мы выползли в проход и тут увидели Татьяну Михайловну — она сидела в зале в третьем или четвёртом ряду!

Кричать? Но тогда нас заметят и всё пойдёт кувырком.

Подать ей какой-нибудь знак? Тоже заметят...

сит до нас гром революции... Музыке трудно без сцены. О музыке в театре Кабалевский приглашает рассказать режиссёров, актёров, писателей... Вот, оказывается, какое это сложное искусство — музыка. Учиться понимать её — всё равно что учиться плавать: сначала робкие попытки у самого берега и только потом, понемногу, вперёд, в глубину.

И, наконец, как читать эту книгу. Вот что советует сам Дмитрий Борисович Кабалевский: «Я очень хочу, чтобы вы прочитали её так

же внимательно, как я всегда читаю ваши письма. Читайте её не спеша. Лучше понемногу — хотя бы по одной главке в день, — только вдумчиво, внимательно».

Счастливого вам плавания в мир музыки, дорогие читатели!

Рис. О. Вороновой

Что же это она? Почему ушла в зал? Скоро же наш выход!

Мы снова забрались под сцену и стали спорить.

Я был твёрдо уверен, что побегу именно я. Но оказывается, и Разов точно так же был уверен, что побегит он. В спор вмешался Арик Колесников и сказал, что мы дураки и побегит именно он — и никто другой. Кириллов шлёпнул его по макушке ладонью:

— Цыц! Побегу я.

— Татьяна Михайловна, — сказал я Кириллову, — когда выбирала бесенят, назвала меня первым, а тебя — последним!

— Мало ли что! — сказал Кириллов. — У меня ноги длиннее, чем у вас у всех! Вы — коротышки.

— Это я — коротышка?! — я вскочил и изо всей силы ударился головой о доски пола. Удар был настолько силен, что на целую минуту я выбыл из спора, а когда звон в голове прошёл и боль в надувающейся шишке немного утихла, увидел, что верх в споре взял Орья Кириллов.

— Нечестно, Кирилл! — кричал я так громко, что, наверное, в зале слышно было.

— Тише ты! — зарычал старый Бес и дёрнул меня за хвост.

Что-то треснуло сзади моего костюма, и хвост — мой замечательный хвост, которым я так гордился, на который положил столько труда, — оказался в руках Игоря Мироненко.

Онемев от ужаса, я хлопнул ладонью по задней части костюма и ощутил там большую рваную дыру.

— Ты... что... — задыхаясь, произнёс я, но в этот момент под настил заглянула пионервожатая:

— Старый Бес, на сцену! Быстро! Мироненко взвился пружиной, лицо вожатой исчезло. А мой хвост с треугольным обрывком чёрного сатина остался на полу.

Глотая слёзы, я подобрал его, попытался приставить на место. Но он, конечно, не приставлялся...

Оглушённый несчастьем, я дер-

жал хвост в руке, и на него часто-часто капали мои слёзы.

Тут снова под настил заглянула вожатая:

— Кто бежит с зайцем? Быстро! Быстро!

На сцену выскочил Кириллов.

— А вы — приготовьтесь! — сказала вожатая.

Маленький Разов посмотрел на меня и хихикнул.

Я ударил его хвостом по голове и до конца спектакля больше уже ничего не видел и не слышал.

В пионерской комнате, когда мы переодевались в свои нормальные костюмы, Татьяна Михайловна сказала Игорю:

— Что же ты так подвел Внукова, Игорь? Вот видишь, из-за тебя он не играл свою роль. Это не хорошо.

— А чего у него хвост такой слабый? — сказал Игорь. — Татьяна Михайловна, а ведь и двух чертенят довольно, правда?

Я задохнулся от этих предательских слов. И едва Татьяна Михайловна вышла из комнаты, бросился на Игоря с кулаками.

Он мог одним ударом перебросить меня через всю комнату, но от удивления отступил на шаг, споткнулся о наш большой отрядный барабан и всей тяжестью сел прямо в него...

Несколько дней подряд после уроков он поджидал меня у выхода из школы. Мне очень не хотелось выяснять с ним отношения, и я исчезал из школы через окно туалета первого этажа, которое выходило во двор, перелезал через забор и прокрадывался домой переулками. Но он в конце концов догадался об этом манёвре, поймал меня в глухом месте и сполна рассчитался за нагоняй, который получил от вожатой за барабан.

После этого я надолго охладел и к драматургии и к сцене.

Потом меня захватило новое увлечение и засосало с головой, как и все увлечения в моей жизни.

Произошло это уже в пятом классе.

В витрине игрушечного магазина, мимо которого я проходил два раза в день — утром, когда шёл в школу, и после обеда, когда возвращался из школы домой, — появилась новизна.

Это была большая коробка, разделённая внутри картонными перегородочками на множество отделений. В отделениях лежали стеклянные пробирки, круглые бутылочки, наполненные разноцветными порошками, пакетики с какими-то веществами. Там были специальные держатели для пробирок, похожие на длинные бельевые прищепки. Фарфоровая ступочка с пестиком. Две пузатенькие колбочки с пробками. Целый набор стеклянных трубок разной толщины. Но самое главное — спиртовка с тяжелым стеклянным колпачком для того, чтобы гасить огонь, и с проволочным таганчиком, на который ставились колбочки для кипячения растворов.

И вся эта штука называлась заманчиво и солидно: «ЮНЫЙ ХИМИК».

На крышке коробки, которая лежала отдельно, был изображён стол, на котором стояла спиртовка. Над спиртовкой находился этот самый проволочный таганчик, на нём стояла колбочка, заткнутая пробкой. Из пробки опускалась изогнутая стеклянная трубка. Румяный мальчик в аккуратном костюме, с пионерским галстуком на шее, подносил к концу трубки другую колбочку. Из трубки в неё что-то капало. Рядом с мальчиком стояла симпатичная девочка, такая же аккуратная и румяная. У обоих были очень серьёзные лица, и, конечно, они не просто производили химические опыты, а делали какое-то важное научное открытие.

Рядом с крышкой лежала тонкая книжечка, на обложке которой крупными буквами было напечатано: «100 ОПЫТОВ ПО ХИМИИ».

Со дня появления коробки в витрине магазина я потерял покой.

Я останавливался перед витриной утром и разглядывал стойку для пробирок, щипчики, спиртовку и пузырьки с разноцветными веществами. Я читал надписи на этикетках, наклеенных на пузырьки, и названия веществ завораживали меня своей непонятностью. Яркий зеленовато-голубой порошок назывался сернокислой медью. Один пузырёк до самой пробки был наполнен белыми комочками, похожими на неровные горошины, и эти горошины носили название едкого натра. Были ещё какие-то таинственные «КОН», хлористый натр, перманганат калия. В отдельной бутылочке находились серые зёрнышки цинка, а в плотно закупоренных флаконах, с горлышками, облитыми воском, — кислоты: серная, соляная и азотная.

После уроков я снова прилипал к витрине и мечтал о том времени, когда набор попадёт в мои руки.

Я представлял себе лабораторию, заставленную сложными стеклянными аппаратами, в которых кипели и булькали какие-то жидкости. Они переливались по длинным трубкам из одного аппарата в другой, каплями стекали в пузатые стеклянные колбы. С ними что-то происходило, они испарялись, меняли цвета, оседали пушистыми кристалликами на стенках тонких химических стаканов, и я командовал всем этим. Я всё понимал и всё знал. Я взвешивал осадки, записывал что-то в толстую тетрадь, делал какие-то расчёты.

Нет! Всё-таки самая лучшая, самая интересная на свете работа — это работа химика! И когда я окончу школу, я обязательно поступлю в химический институт. Решено! Бесповоротно и навсегда!

Однажды я заговорил с дядей о своей будущей специальности.

— Химиком? — переспросил он. — Ну, что же, поздравляю! Хорошая, нужная, интересная работа. Только учти — она требует аккуратности и терпения. А у тебя эти качества не особенно развиты.

Я поклялся, что именно с этого дня начну развивать в себе эти

качества, и для этого необходим один лишь пустяк — набор «Юный химик», который сейчас продаётся в магазине игрушек.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал дядя, и на этом разговор кончился.

Теперь я почти каждый вечер напоминал ему о «Юном химике». Я намекал, что наборы могут скоро кончиться, что их все отчаянно раскупают, что спиртовка и ступочка, которые есть в наборе, пригодятся в хозяйстве, что из химических веществ, которые насыпаны в бутылочки, можно сделать для дома другие какие-нибудь полезные вещества. Я удивлялся, как мы раньше жили без этого набора, и доказывал, что чем скорее набор будет в моих руках, тем более быстрыми темпами будут развиваться у меня и аккуратность, и терпение.

Видимо, я так надоел ему, что он наконец выдал мне долгожданные шесть рублей.

С какой гордостью нёс я коробку домой! Я держал её в руках так, чтобы прохожие могли видеть яркую этикетку с девочкой и мальчиком и крупные буквы, из которых складывалась надпись «ЮНЫЙ ХИМИК». Я нарочно шёл не торопясь, чтобы как можно больше людей увидело мой набор и моё серьёзное лицо, полное решимости заниматься настоящей наукой.

Дома набор слегка разочаровал меня. Когда я просмотрел книжечку «100 опытов по химии», я увидел, что большинство опытов неинтересны. То, что было изображено на крышке коробки, называлось дистилляцией воды. Но как я ни ломал голову, я не мог придумать, для чего мне нужна будет дистиллированная вода. В примечании, правда, говорилось, что такая вода применяется в фотографии, но я фотографией в то время не занимался.

Цинк служил для получения водорода. Серые зёрнышки насыпали в колбу, колбу затыкали пробкой с дырочкой, затем в эту дырочку

пипеткой капали кислоту и вставляли стеклянную трубочку. Из трубочки начинал выделяться водород, который можно было поджечь. Он горел длинным, почти не видимым на свету голубоватым язычком. Этот опыт был интереснее всего, и я делал его до тех пор, пока не кончился весь цинк и не опустела бутылочка с соляной кислотой.

Потом я приступил к выращиванию синего кристалла из медного купороса. Я растворил купорос в химическом стакане, привязал короткую ниточку к стеклянной трубке, на конец ниточки воском приклеил крохотный кристаллик того же купороса и опустил его в раствор, положив трубку на край стакана. Сверху накрыл стакан промокашкой от пыли и поставил на окно. На следующее утро кристаллик немного вырос. Через три дня он стал уже величиною с большую горошину. Мне показалось, что он неровный. Я вытащил ниточку из раствора и потрогал кристаллик пальцами. Он отвалился от ниточки и, когда я снова попытался приклеить его, размазался в пальцах. Я решил, что спокойно проживу и без синего кристалла, зашвырнул трубку с ниточкой в мусорное ведро, вылил раствор в раковину и приступил к следующим опытам.

Я растворял какие-то порошки в пробирках, сливал растворы вместе, они меняли цвета, иногда закипали, иногда становились вонючими, иногда на дно пробирки выпадал какой-то грязный осадок. Всё это как-то называлось в книжке, но названия не удерживались у меня в голове.

Через четыре дня все порошки и кислоты, находившиеся во флакончиках, кончились, и «Юный химик» отправился туда, куда отправлялись все надоевшие мне вещи — в самый дальний угол под кроватью. Я оставил себе только спиртовку, на которой накаливало шило для выжигания узоров по дереву, и фарфоровую ступочку. Но скоро спирт денатурат, находившийся в наборе,

тоже кончился. Я попытался заправить спиртовку керосином, но она стала очень сильно коптить и от правилась следом за «Химиком».

В самом деле — ну какие аккуратность и терпение могли развиться во мне, если в наборе находилось так мало разных веществ! Только начнёшь опыты — и уже всё кончается! Наверное, те, кто выпускал «Юный химик», этого не учли. А мальчик и девочка, изображённые на крышке, какие-то особенные, если могут заниматься подобной ерундой.

В тот год повально все мальчишки нашего класса увлекались стрельбой из рогаток, и я начал раздумывать, где бы мне раздобыть хорошей красной тягучей резины для дальнобойной рогатки, как вдруг в школьной библиотеке мне на глаза попала книга под названием «Занимательная химия». Конечно, я сразу взял эту книгу домой и за два вечера прочитал её от корки до корки.

Опыты, которые в ней предлагались, были куда интереснее, чем в книжечке, приложенной к «Юному химику», но так как у меня не осталось никаких веществ, то мне пришлось проделать опыты мысленно. Зато в конце книжки были напечатаны разные рецепты, и среди них я нашёл, как самому сделать бенгальский огонь.

Бенгальский огонь!

Его и перед Новым-то годом почти невозможно купить в магазинах, а тут — самому и сколько угодно!

Во мне всё звенело от предвкушения такой возможности.

Можно сделать сто штук!

Нет, что там сто — тысячу! И каждый день жечь хоть по два десятка! Я уже воображал, как принесу палочки бенгальского огня в школу и зажгу их с ребятами во дворе на перемене, и как ребята будут рады, что я их сделал, и как нам будут завидовать мальчишки и девчонки из других классов. А к школьной ёлке я сделаю большие бенгальские огни, которые будут

гореть по полчаса, и поражу всех учителей своими способностями!

Я перечитал рецепт.

А ведь нужно-то всего пустяки — железные опилки, сера и ещё кое-что, что можно купить в любых аптеках и в керосиновой лавке. Проволочек я добуду на свалке, яичный белок для приклеивания бенгальского порошка тоже не проблема — у нас дома жило двадцать две курицы. Вот только деньги для покупки веществ...

Денег у меня никогда не было. Вернее — были, но очень небольшие. Тётя давала мне на завтраки в школе по пятнадцать копеек в день, да ещё по воскресеньям двадцать-тридцать копеек на мороженое и на кино. Я подсчитал, что за неделю у меня будет накапливаться около рубля, а иногда и побольше.

С момента, когда я прочитал бенгальский рецепт, я перестал завтракать в школе и ходить по воскресеньям в кино. В понедельник после уроков я шёл с накопленными деньгами в аптеку и керосиновую лавку и покупал вещества. Все пакетики, которые я приносил домой, складывал в фанерный ящик из-под посылки, который стоял всё в том же самом дальнем углу под кроватью.

Через шесть недель ящик был полон.

Я пересчитал пакетики и решил, что на тысячу бенгальских огней, наверное, хватит.

Все работы я производил в то время, когда дядя был на службе, а тётя — на своём дежурстве в больнице.

Вообще, всё самое интересное в моей жизни происходило тогда, когда дома не было никого. И почему взрослые всегда мешают детям заниматься делами, к которым их тянет больше всего? Странные они люди! Ведь они сами были такими, как мы. Неужели они забыли то время и те дела, которые их тогда волновали?

По рецепту все вещества нужно было тонко растереть в фарфоро-

«Все работы я производил в то время, когда дядя был на службе, а тётя — на своём дежурстве в больнице».

вой ступке. Ступка у меня осталась от «Юного химика», и я принялся за дело. Скоро все вещества оказались растёртыми чуть ли не в пыль. Теперь нужно было их тщательно смешать. Всё это я производил на листе газеты, и к тому времени, когда тётя пришла с дневного дежурства, у меня была целая гора серой сухой смеси. Я высыпал её в старую коробку из-под ботинок и спрятал в пустой бочонок, стоявший в сарае. Сверху в бочонок набросал старые газеты и тетради, чтобы ничего не было заметно, и уселся за уроки.

Весь следующий день в школе я решал проблему тигля. Дело в том, что в рецепте дальше указывалось, что смесь нужно прокалить на сильном огне в фарфоровом тигле. А я даже не знал, что такое тигель. На большой перемене, слоняясь по верхнему и нижнему коридорам, я высматривал молодого учителя химии Игоря Николаевича, который преподавал у старшеклассников. У нас химии ещё не было. Наконец около учительской мелькнул его светло-серый костюм, и я бросился ему наперерез:

— Игорь Николаевич, простите, можно у вас узнать одну вещь?

Химик удивлённо поднял брови и посмотрел на меня сверху вниз:

— Ты из какого класса?

— Из пятого «а».

— Так, так, будущий мой ученик. И что же ты хочешь узнать?

— Игорь Николаевич, что такое тигель?

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Да так... Я, Игорь Николаевич, читал тут одну книжку... про алхимиков... ну и там они всё время делают что-то в тиглях. Что это за тигли?

— Тигли — это сосуды, похожие на обыкновенные горшки. Изготавливаются они из фарфора или из прочной огнеупорной глины. В них не только алхимики, но и современные химики прокалывают и плавят разные вещества и металлы. А ты что, интересуешься химией?

— Да нет... просто книжка такая попалась... ну, я и хотел узнать...

— Молодец, — похвалил меня Игорь Николаевич. — А что это за книжка?

— «Занимательная химия», — сказал я.

Там действительно было кое-что об алхимиках.

— Так значит, ты всё-таки интересуешься химией?! Как твоя фамилия?

— Внуков.

— Вот что, Внуков. У нас в школе есть кружок юных химиков. Мы собираемся по пятницам после уроков в химическом кабинете. Приходи.

— Спасибо, Игорь Николаевич...

— Так придёшь?

— Приду...

Конечно, никакого фарфорового тигля у меня дома не было, и весь остаток дня я думал, в чём же мне прокалить смесь.

Дома я осмотрел все тёткины кастрюли. Они оказались очень большими и к тому же очень чистыми. Тётя всегда мыла эмалированную посуду содой и солью, а алюминиевую драила песком до серебряного блеска. После моего прокалывания кастрюля приняла бы, наверное, не очень симпатичный вид, поэтому я не решился наложить руку на её хозяйство.

В сарае тоже не нашлось никаких старых кастрюль — тётя терпеть не могла дома ненужного барахла.

Я уже собирался на следующий день сходить на свалку за железнодорожный переезд, как вдруг мне на глаза попалась отличная литровая консервная банка. Мысль заработала быстро и чётко. Если к ней приделать проволочную ручку, то не то что прокалывать — свинец можно будет плавить в ней и делать отливки.

Проволоки у нас было сколько угодно, я отыскал железную, мягче, пробил в бортике банки четыре отверстия, и скоро у меня в руках оказался отличный тигель,

похожий на черпак. Я спрятал его в бочонок вместе со смесью и стал поджидать удобный момент для завершения опыта.

Момент представился в субботу во второй половине дня. Дядя ещё в пятницу уехал в командировку до среды, а тётя, заглянув ко мне в комнату, сказала:

— Никола, я сбегая на базар за кукурузой, а то совсем нечем кормить кур. Там, на кухне, я поставила на плиту чайник. Ты присмотри, чтоб он не выкипел. И никуда не уходи — я быстро.

— Не беспокойся, тётя, всё будет в порядке, — сказал я. — Вот только кончу задачку и посмотрю.

Я услышал, как стукнула на дворе калитка, выждал, когда тётя уйдёт от дома достаточно далеко, и бросился в сарай.

Всыпать смесь в тигель было делом одной минуты. Смесью наполнила его почти до краёв.

Чайник на плите ещё не закипел, и я решил, что он мне не помешает — пусть закипает потихоньку, в нужный момент я его сниму.

Открыв дверцу топки, я расшуровал кочергой дрова, нашёл на углях самое горячее место и поставил тигель туда.

Время от времени я выдвигал свой черпак из топки, заглядывал в него. Смесью понемногу оседала, из серой превращалась в чёрную, пузырилась.

Всё шло по всем правилам химии.

Я в третий или в четвёртый раз вдвинул черпак в плиту, как вдруг из топки ударил толстой струёй такой бенгальский огонь, что меня отбросило от плиты метра на два.

Полуослеплённый, опалённый сухим жаром, я успел заметить, что чайник вместе с конфорками взлетел к потолку, по всей кухне разлетелись жирные чёрные хлопья, а дверца вырвалась из плиты и повисла на каких-то проволочках...

Опытом я занимался как был — в майке и в старых брюках. Грудь и плечи у меня почему-то вдруг зачесались, и когда я поскрёб их ногтями, с ужасом увидел, что с них лоскутьями сходит моя кожа, похожая на влажный пергамент.

Я бросился к зеркалу в коридоре. На лице не было ни бровей, ни ресниц. Волосы на голове обгорели и запеклись. Майка из белой превратилась в тёмно-коричневую.

Когда домой пришла тётя, она не узнала ни кухни, ни меня. И я никак не мог ей объяснить, что произошло, — губы у меня распухли и вывернулись, и от этого речь стала невнятной.

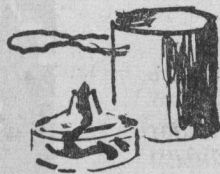
Я не ходил в школу около месяца. Я лежал в постели, и тётя прикладывала к обожжённым местам тряпочки, смоченные подсолнечным маслом. Дядя, выслушав отчёт о происшедшем, только и сказал:

— В жизни больше, старый дурень, не поддайся на его уговоры.

С химией было покончено раз и навсегда.

Рис. Ю. Шабанова

(Окончание следует.)

Из военных тетрадей

ВЕРИМ В ПОБЕДУ!

Против нас полки сосредоточив,
Враг напал на мирную страну.
Белой ночью, самой белой ночью
Начал эту чёрную войну.

Только хочет он или не хочет,
А своё получит от войны:
Скоро даже дни, не только ночи,
Станут, станут для него черны.

1941 год, 23 июня, Ленинград

Тепло дыхания и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

*Куда ж она, неведомая, делась
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его
 гляделась
И косы заплетала перед ним?..*

Быть может, это зеркало видало
Её последний миг, когда её
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточённое войны.
В нём орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнём.
Но всё пройдет. И что бы ни
случилось —

Враг никогда не отразится в нём!

1942 год, Ленинград

ЗЕРКАЛО

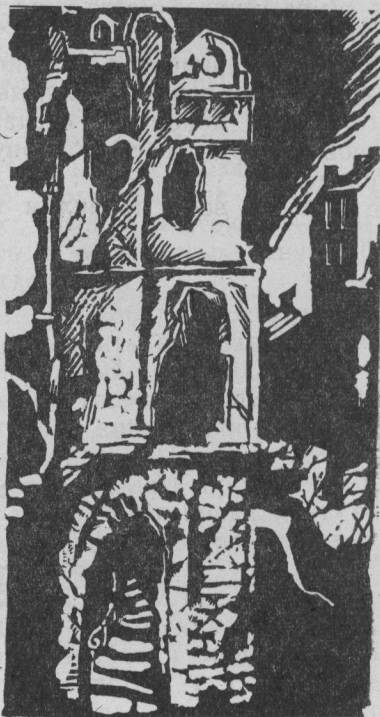
Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

*Ещё обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.*

*И пусть я всё забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.*

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене

СЛОВА, НАЙДЕННЫЕ НА ПОЛЕ БОЯ

Прежде чем прочитать фамилию Шефнер под стихами, я увидел её на географической карте.

В нашей школе любили такую игру-забаву: мы буквально ползали по географической карте страны, находили названия маленьких речек, островков, заливов и, ещё не научившись работать со справочниками, щеголяли друг перед другом подробностями «путешествий», рождённых воображением.

Однажды я нашёл мыс Шефнера и вышел в такой игре победителем.

Потом, когда мы уже познакомились с Вадимом Сергеевичем Шефнером, от него я узнал, что крошечный этот мыс между Находкой и Владивостоком назван в честь его деда Александра Карловича Шефнера, который на своём транспорте «Маньчжур» 20 июля 1860 года высадил здесь команду солдат. Так было заложено поселение, которому предстояло вырасти в славный город Владивосток.

А со стихами Вадима Шефнера я, как и многие мои ровесники, познакомился после войны с белофиннами. Книжка называлась «Светлый берег», и была она о красоте родной земли, о счастье ходить по ней бережно, как хозяин, о дружбе и верности.

Молодой поэт писал о себе, а будто бы подслушал мысли своего читателя. Так всегда бывает с настоящей поэзией. Она обязательно предполагает в читателе соавтора. Вот всего четыре строчки из тех давних уже стихов, но они по-прежнему волнуют и нас, людей уже не молодых, и, конечно, вас — совсем ещё юных:

*Не слишком ли долго под вечер смеркалось,
Не слишком ли громко рыба плескалась,
Не слишком ли долго кукушка скучала,
Не слишком ли громко сердце стучало?*

Перечитайте эти строчки и раз, и другой, и волшебство их уведёт вас в свои дальние-дали.

До войны Вадим Шефнер работал кочегаром, во время Великой Отечественной войны стал сперва солдатом, потом — армейским газетчиком. Но чем бы ему ни приходилось заниматься, он прежде всего оставался поэтом, хорошо знающим цену своей многотрудной профессии, ибо:

*Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.*

Так думает, с такой высокой ответственностью перед читателем работает наш земляк, прекрасный поэт и удивительно скромный человек — Вадим Шефнер. Его 70-летие со дня рождения недавно отметили все любители поэзии.

Если вам, ребята, попадётся на глаза книга его стихов, смело берите её в руки. Она станет для вас и другом, и советчиком.

Д. м. Хренков.

РАЗЛУКА

*Ударит осколок под левый сосок,
Трава заалеет во рву...*

*Я, пальцы изранив о стебли осок,
С минуту ещё поживу.*

*Раскрутится фильм небывалой длины,
Заснятый за множество лет...
И детство,*

и юность,

и встречи,

и сны —

Каких только кадров там нет!

Разлуки,

дороги,

улыбки,

дома,

Свои и чужие грехи...

Какой оператор, сошедший с ума,

Такой наснимал чепухи?

Но встанут на место дома и мосты,

Ошибки и клёны в цвету,

Когда на экране появишься ты
Наплывом на всю суету.

Ты встанешь у синих задумчивых рек,
В полях, разодетых весной,
Такая печальная, будто навек
Пришла расставаться со мной.

Я крикну тебе: «Дорогая, постой,
Прощаться ещё не пора —
Покличь санитаров, хоть ниткой простой
Пусть сердце зашьют доктора.

Хоть час бы прожить, хоть короткий
денёк —

Я так не хочу темноты.
Ведь я на тебя наглядеться не мог,
Зачем же прощаешься ты?..»

1944 год

МОЙ ГОРОД

...Давно ль, пройдя равнины и болота,
В него ломился разъярённый враг
И об его чугунные ворота
Разбил свой бронированный кулак.

Свой город отстояв ценою бед,
Не сдали Ленинграда ленинградцы —
Да, в нём ключи чужих столиц
хранятся, —
Ключей к нему в чужих столицах нет!

И мы, огонь познавшие и голод,
Непобедимы в городе своём,
И не взломать ворота в этот город
Ни голодом, ни сталью, ни огнём.

Он встал, как страж, на сумрачном
заливе,
Вонзая шпиль в огненный рассвет.
Есть города богаче, есть счастливей,
Есть и спокойней.

Но прекрасней — нет!

Он победит! Он все залечит раны,
И в порт войдут, как прежде, корабли...
Как будущих строений котлованы,
За городом траншеи пролегли.

1943 год

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождя серебряные молоточки
Весеннюю выстукивают землю,
Как миллион весёлых докторов.

И мир им отвечает: «Я здоров!»

1948 год

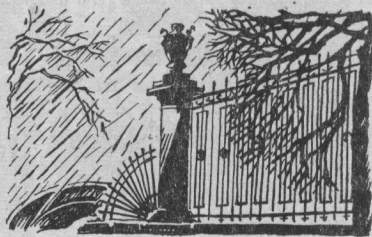

Рис. В. Лукина

В марте этого года исполнилось сорок лет с того времени, как Советская Армия освободила от фашистов Венгрию. Бои здесь были долгими и жестокими. В них принимал участие и Василий Андреевич Пулькин — он служил тогда в 33-й гвардейской Ясской миномётной бригаде «катюш».

По профессии Василий Андреевич учитель, по национальности — вепс. Много незабываемых встреч в его фронтовой биографии, ведь войну он начал в мае 1942 года под Белгородом, а потом освобождал Украину, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Есть у Василия Андреевича большая рукопись — воспоминания о войне. Несколько страниц из неё мы вам сегодня и предлагаем.

ВАСИЛИЙ ПУЛЬКИН

ПРОФЕССОР

После освобождения в феврале 1945 года столицы Венгрии Будапешта выпал нам короткий отдых прямо в городе.

В свободное время я любил пройтись по улицам и площадям Будапешта, полюбоваться красотой многочисленных архитектурных сооружений и памятников. Однажды так увлёкся прогулкой, что забрёл за город и оказался возле двухэтажного каменного особняка, окружённого вековыми деревьями. Узнал, что в доме живёт учёный — профессор истории, и, помня, что венгры и вепсы — народы одной языковой группы, я решился к нему зайти. Поговорить.

С этими мыслями я и переступил порог особняка.

Меня встретил невысокий пожилой человек в очках. К сожалению, память не удержала его фамилии, но ход разговора и его содержание мне очень запомнились.

К моей радости, профессор неплохо владел русским языком.

Узнав, что я — вепс по национальности, он повёл меня в свой большой, заваленный книгами кабинет.

В кабинете, рассматривая меня в упор, профессор сказал:

— О вепсах читал много, но живого вижу впервые, — и потом уже как бы рассуждал вслух: — Так, гм... гм... Шея короткая... Рот небольшой и красиво очерчен... Брови? Ну, конечно, брови тоже истинного вепса... А глаза?.. Как по-вепски глаза? — вдруг спросил он.

— Сильм.

— Так, так... сильм, сильм, сильм... — он тряхнул головой. — А по-венгерски сем. Вот видите, как близки слова по звучанию. А рот?

— Су.

— Су... су... интересно! По-венгерски — сай. Что-то схожее есть и тут. А молоко?

— Майд.

— Майд? Красиво! Не правда ли?.. А по-нашему — тай...

Мы перебрали с ним сотни слов, но схожих нашли не так уж и много...

Профессор, как бы сожалея, сказал:

— А чего удивляться? С тех пор как племена наших предков разошлись, прошли тысячелетия, — он широко улыбнулся. — Но вот свела же нас судьба... «Нет худа без добра» — как любят говорить русские... И символично: брат пришёл на помощь брату в горькую годину. Не в этом ли весь смысл человеческого братства?

Профессор задумался. Потом продолжил:

— Есть предположение, что племена наших с вами предков пришли откуда-то с востока... Да откуда бы они ни пришли, но в прошлом составляли, по-видимому, одну семью... И был у них, естественно, общий язык. Правда, ещё небогатый... Поэтому и удивляться нечего, что названия одних и тех же вещей звучат по-разному...

— А среди вепсов, — вставил я, — ходит легенда про то, как пришли вепсы в Междоузёрье...

— Ну-ка, ну-ка, расскажите её, — заинтересовался профессор. — Это любопытно.

И я рассказал.

Создал бог вепсов. Выделил им землю за Уральскими горами. Красивы были те места. В густых лесах богато было разных зверей, птиц, росло много ягод, грибов. В реках и озёрах — изобилие всякой рыбы. Вольготно жилось здесь вепсам. Но со временем стал бог замечать, что вепсы, обжив эту райскую землю, забыли о нём, о своём создателе, и стали преклоняться хозяевам земным: зверям, птицам, воде, лесу, ветру... Разгневался бог и напустил на вепсов огромные глыбы льда. Тогда поднялись вепсы в горы. Бог стал рушить горы. Чудом уцелевшие вепсы спустились с гор на Волжскую равнину — бог и там не оставил их в покое. Он напустил

такую жару, что в короткое время сгорело всё, что могло гореть, даже вода испарилась. Тогда вепсы ушли в дикие, кишящие зверьми, всякими гадами и мошкаркой дебри Междоузёрья. Бог видит, что не справиться ему с вепсами, и проклял их на вечные муки.

— Именно этим и объясняется тот факт, — заключил я, — что вепсы никогда не признавали бога.

Профессор широко заулыбался.

— Ничего не скажешь, красивая легенда... А большая численность вепсов? Есть ли национальные сёла? Или вепсы теперь живут среди других народов?

— Мне трудно ответить на первый вопрос. Всего вепсов сейчас не так уж и много. Может быть, около ста тысяч. Живут они по всей стране, но основная масса вепсов всё же проживает на Вепсовской возвышенности, что расположена в Ленинградской и Вологодской областях, а также по побережью Онежского озера, в Карелии...

— А письменность существует? Язык сохранился? В школах обучают на своём языке?

— Письменность есть на латинской основе. Язык сохранился.

— Понятно... Между собой, конечно, говорите только на своём языке?

— На своём языке лучше мыслится... Легче разговаривается...

— Верно, — заулыбался профессор. — А вы кто по специальности?

— Учитель.

— Учитель? Хорошо! Я считаю, что учитель — это самая превосходная должность на свете. А у вас в стране все дети учатся?

— Все. У нас есть даже Закон об обязательном образовании. И обучение у нас бесплатное...

— Хорошо. У нас, к сожалению, до сих пор такой возможности не было...

Поговорили мы с профессором и об истории наших народов. Оказалось, что в характере вепсов и венгров много общих черт: доброта, отзывчивость, дружелюбие, честность. Выяснилось также, что у на-

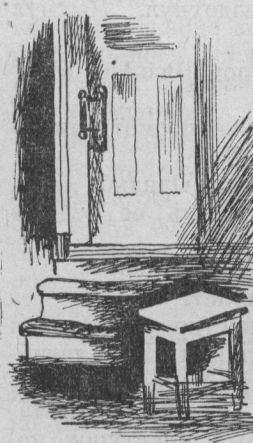
ших народов есть сходство и в прикладном искусстве. Чем-то схожа и национальная одежда, особенно у женщин...

...Запомнилась мне эта встреча.

И когда приходится мне вспоминать о Венгрии, перед моими глазами встаёт двухэтажный особняк, окружённый могучими деревьями,

и в нём, в кабинете, заваленном книгами, невысокий седовласый старик в очках.

И сердце наполняется гордостью за то, что я принимал посильное участие в освобождении народа, родственного моему, вепсскому народу.

ШТИБЛЕТ

ЮРИИ
КАЛИНИН

ПОМНИ!
40
ЛЕТ НАЗАД

Весной сорок четвёртого года по Жарме, маленькому городку, в котором мы жили в войну, прошёл слух, что вновь открылась сапожная мастерская.

В войну обувь, после хлеба, была самой большой заботой. Нынче это понять не просто. Сейчас зашёл в магазин — полки ломаются. А тогда были только лари с узенькими, как амбразуры, оконцами, из которых выдавали по карточкам хлеб. И больше ничего.

А как без обуви прожить? Лето, конечно, не в счёт. Летом гоняли босиком. А зимой? А в осеннюю стылую слякоть? А в весеннюю разлей-воду?

Сколько помню, ни у кого тогда новой обуви не было. Казалось даже, что она сразу делается худой, стоптанной, с оторванными подметками. И если бы не довоенные фо-

тографии, честное слово, я бы в этом так и уверился.

На одной из них мать была в лёгком праздничном платье и туфлях на высоких каблуках. Представить себе, что в этих туфлях рубят дрова, таскают ведрами уголь или убирают из сарая навоз, было просто немыслимо. Для этих целей лучше армейских ботинок или кирзовых сапог ничего не существовало. Их и носили все.

И вот — новость! Открылась мастерская, а в ней работают два пленных румына. Говорили, что они сами перебежали на нашу сторону. Теперь их выпустили из лагеря военнопленных и разрешили работать. Фамилия одного запомнилась — Стефанищн.

Разве могли мы, мальчишки, оставить такое без внимания?

Поначалу топтались поодаль от

мастерской. Робели. Пленные, хоть и перебежчики, а всё же солдаты враждебной армии... Но любопытство, как всегда, победило. Мы заглянули в полуподвальное окно.

Высокий худой Стефанищн и его коренастый товарищ сидели в длинных фартуках и, не разгибаясь, работали.

Коренастый налил в стакан воду и, когда пил, запрокинул голову и увидел в окно нас. Улыбнулся, призывно замахал рукой.

Храбрясь, мы спустились по лестнице.

Мы ещё не успели освоиться в непривычной обстановке, когда дверь в мастерскую отворилась. Что-то стукнуло. Показался упёртый в ступеньку подмышечный костыль, а за ним в помещение грузно ввалился дядя Миша.

Мастеровых Жармы мы знали наперечёт. А дядя Миша был столяром.

Войдя в сапожную мастерскую, он перевёл дух и, хмуро оглядывая хозяев, подался немного набок, навалился всем телом на костыль, давая отдохнуть целой ноге.

Стефанищн приподнялся. Он просительно улыбался, но в его улыбке чувствовалась напряжённость. Коренастый отложил в сторону молоток и поставил перед дядей Мишей табуретку. Провёл по её поверхности ладошкой, приглашая жестом сесть.

Дядя Миша неопределённо крикнул, но всё же сел. Достал кисет и едуче задымил самокруткой. Он заметил нас, снова крикнул и помял кисет большими, потрескавшимися от работы пальцами.

— Ну, как там поживает господин Антонеску? — неожиданно агрессивно спросил он сапожников.

Стефанищн вздрогнул. Коренастый поднял голову.

— Антонеску — финита, — сказал Стефанищн. — Конэц!

— Ага. Это понятно, — подтвердил столяр. — Это как пить дать — конец. И Гитлеру, и Хорти, и вашему Антонеску.

— Антонеску нэт наш! — твёр-

до возразил Стефанищн.

— Ну да... — неопределённо подтвердил дядя Миша. — Ну да...

Он помолчал. Подымил.

— Где в плен-то взяли?

— Брал — нэт! Сам ходил. Крым.

Дядя Миша кивнул головой. Подкинул в ладони кисет.

— Под Вязьмой не приходилось... быть?

— Нэт! — помотал головой Стефанищн. — Одэса. Севастопол.

— А он?

Дядя Миша кивнул в сторону коренастого.

— Там. Севастопол.

Дядя Миша вздохнул. Пыхнул дымом.

— А мне вот под Вязьмой оттаяло...

Сапожники молча посмотрели на него.

— М-да... г-хм... Однако нога, хоть и одна, а обувать её всё же надо...

Стефанищн встрепенулся:

— Сапог? Штиблет?

— Во! — радостно согласился дядя Миша. — Штиблет! Шей штиблет! Скоро всем при параде быть! — Он, шумно дыша, разулся и поставил на специальный приступок невероятных размеров ногу.

Стефанищн удивлённо, с долей восхищения покачал головой и стал портняжным метром сосредоточенно обмерять ступню.

А дядя Миша не умолкал:

— Измучился я с этой ногой. Нету моего размера! В армии мне старшина по спецзаказу шил. После госпиталя — где сапоги достанешь? Хоть в лаптях ходи. Ей-богу! Сам себе из брезента тапочек шил. И зимой и летом — в нём. Пару портянок наматаю и шкандыбаю. Беда!

Стефанищн смотал метр.

— Когда за товаром? — спросил, обуваясь, столяр.

— Тут ждат.

— Да ну? — не поверил дядя Миша. — Поглядим...

Коренастый острым топориком вырубил из берёзового полена колодку. Сверил её с размерами. Зажал в тиски и драчёвым рашпилем

зачистил, скруглил неровности. Колодка получилась похожей на чисто вымытую стопу человека. Только щели между пальцами не обозначены.

Стефанищн косым сапожным ножом вырезал из листа кожи заготовку. Оглядел её, обмерил. Где-то отрезал, где-то надрезал и, примерив по колодке, прошил на швейной машинке задник, окантовал край и вырез для подъёма. Швы придали листу кожи ещё зыбкие, но уже объёмные формы, похожие на чувяк.

Натянув чувяк на колодку, он приколотил его деревянными шпильками к подошве колодки. Срезал образовавшиеся складки и дратвой прихватил к коже подкладку. Работал Стефанищн уверенно, начисто, без переделок.

Строчила машинка. Мелькал обухок молотка. Неслышно отпалосовывал кожу острый как бритва нож. Легко, точно в мыло, лезло шило в подошву. Пела струной натянутая дратва...

Чувяк креп, обретал формы.

Наконец коренастый румын вложил внутрь чувяка стельку, прошил по ранту подошву и пригвоздил на «лапе» каблук.

Это было — как чудо!

Настоящий штиблет, сработанный на наших глазах. Часа два назад он ещё лежал на столе лоскутами кожи, пластиной резины, катушкой дратвы, гвоздями...

— Г-хм, да-а-а-а... — сказал не-

сколько удивлённый дядя Миша, взяв в руки штиблет. — Видна рука!

Он недоверчиво щёлкнул пальцем по подмётке, как по спелому арбузу.

— Мастеровой — он везде мастеровой! — сказал, как бы в назидание нам, дядя Миша и, уважительно глядя на сапожников, спросил: — Сколько с меня причитается?

Стефанищн скрестил перед лицом руки и возмущённо отмахнулся ими.

— Солдат нэт денги! Презент!

— Да как же... — несколько опешил столяр. — Работа — хлеб!

— Нэт! — решительно отказался Стефанищн.

— Ну... ладно... Стеллажики у вас неважнецкие. Завтра вечером приду, поставлю новые.

Он поднялся, держа в свободной руке новый, скрипящий штиблет.

— Ну, однако, спасибо за работу!

И он протянул Стефанищну от костыля свою огромную лапищу.

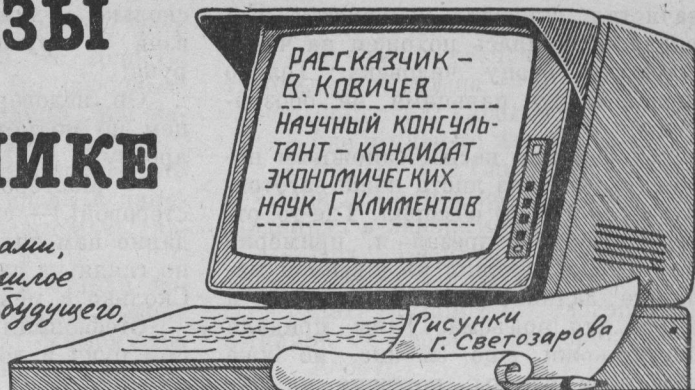
Почему осталось у меня в памяти это рукопожатие? Один человек поблагодарил другого за хорошую работу — что в этом особого?

Только спустя много лет оценил я тот поступок. Чтобы обменяться рукопожатием с пленным, даже отпущенным из лагеря, нужно было иметь не только большую руку, но и немалых размеров душу...

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

ЯБЛОКО РАЗДОРА

ДЕЛЕНИЕ С ОСТАТКОМ

На многие века главным человеком на Земле стал пастух. Предмет его труда не прятался в зарослях, не бегал по лесам, а покорно шёл следом. На сочной траве плодородных долин тучнели и множились стада. Мир менялся на глазах. Робя с не привычки, Человек познавал изобилие.

Это было не только великим достижением, но и великим испытанием.

Ведь производство — ещё не вся экономика. Смысл его — в создании жизненных благ. А когда они созданы, начинается как раз то, ради чего всё затевалось — потребление.

И сразу же возникла очень важная проблема — распределение добытого.

Раньше этой проблемы не было. Весь Продукт, произведённый всеми членами рода, — всеми и потреблялся без остатка. Никаких проблем! Теперь же — другое дело. Это только на первый взгляд кажется, что разделить три яблока на четверых так же трудно, как пять. Пять яблок разделить труднее. Потому что пятое — лишнее, и что с ним делать — неясно.

Ну-ка, сядем да порассуждаем над этим пятым яблоком — куда его деть?

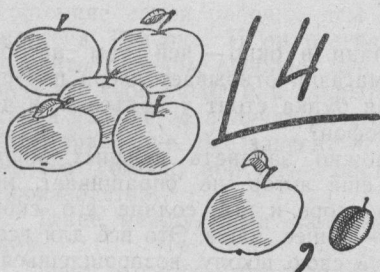
Над производством яблока трудились все, значит, оно неделимо и принадлежит всем. Каждому, допустим, одного яблока вполне достаточно. То есть, конечно, можно съесть и второе — не лопнешь. Но для этого остальные трое должны согласиться, что у тебя больше прав на общий Продукт — яблоко, чем у них. За какие же такие заслуги? Может, тебе лично они и видны, но поди докажи. И доказывать не станешь — побоишься. Чего доброго — подерётесь. Их трое, ты один — и заикаться не стоит.

Прямо беда с этим пятым яблоком. Лучше бы его не было вовсе!

Ага! Это уже идея.

Надо избавиться от яблока — и дело с концом. Ну, не выбросить, конечно. В кои-то веки лишнее яблочко — и сразу выбрасывать. Не для того трудились. Куда же его деть, если по справедливости?..

Если по справедливости и без убытку — сменить его надо. Скажем, на четыре сливы. Или — на черенок для новой яблони. Тогда пятое яблоко — не помеха, а возможность более полного удовлетворения потребностей. Надо только использовать обмен.

Так, решая проблему распределения лишнего Продукта, мы пришли к необходимости обмена.

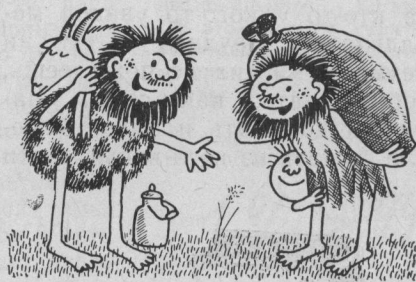
Примерно так же пришёл к этому и пастух. Он — первый, потому что первым стал получать лишний Продукт. Это — обязательное условие: регулярный обмен возможен только тогда, когда есть излишки. А когда есть регулярный обмен, есть и резон для расширения производства.

Дикарь не понимал, для чего ему убивать ещё одного оленя, когда уже есть туша на обед. А смыслённый пастух знал, зачем ему лишняя тёлка: сменить можно — на зерно, например, выращенное соседним родом. Тогда в своём роду незачем зерно производить — всё равно хлеб будет, было бы только скота поболее.

Так возникло первое крупное разделение труда: на скотоводство и земледелие.

...Двигался род нескончаемой дорогой кочевья, обживая ещё малонаселённую Землю, отыски-

вая невытоптанные луга. И в пути натёкался на распаханый луг, понимая — сначала с досадой, — что вошёл в границу чужого рода, земледельческого. И если не возникало между ними

войны, торг возникал обязательно. Торговать лучше, чем воевать.

— Хотите мяса и шерсти? — предлагают скотоводы. — А ещё у нас есть такой продукт — козье молоко. Дети на нём здоровеют — прямо на глазах.

И вытаскивают вперёд огольца-карапуза с бурдючком молока. Специально пытаются отнять у него бурдючок — тот в крик, присосался намертво. Любит, значит. Смотрят земледельцы на розовые щёчки карапуза, на всю его плотную фигурку — ишь, какой крепыш! Видно, и впрямь неплохой продукт придумали кочевники. А те уже подкатываются с предложением:

— Может, сменяем? Молока у нас — хоть залейся, мяса — вдоволь. Только вот с хлебом туговато. Давайте уж по-соседски — баш на баш, коли судьба свела.

— А чего же не сменяться?! — соглашаются земледельцы. — У нас как раз уродило...

И пошёл обмен...

Однако обмен идёт не только Продуктом, но и информацией. Изобретения одного рода перенимались другим тоже в результате участвовавших встреч на границе двух родов.

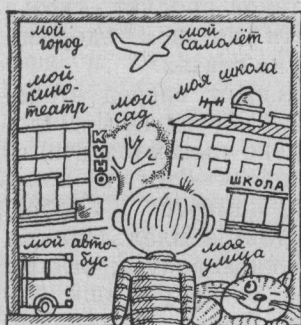
Подсмотрели земледельцы, что скотоводы хранят молоко и воду в бурдюках. А чего же так

и зерно не хранить? На следующей встрече уже скотоводы смотрят: у земледельцев зерно не в сосудах, не в корзинах, а в искусственных бурдюках — мешках. Надо бы и нам так — действительно, удобно. Ну, а уж когда кто-то у кого-то увидел металлические орудия — тут ни времени, ни сил не пожалеешь, чтобы узнать, как самим научиться добывать и плавить металл, делать из него копья, ножи

и лемехи. Ведь куда острее, удобнее, чем каменные.

С этим новшеством снова резко выросла производительность труда. Теперь уже не только в скотоводстве, но и в земледелии, ремесле...

Но чтобы пойти вслед за эволюцией хозяйства дальше, нам надо познакомиться с понятием, которого мы пока не касались и которого люди родового строя ещё не знали.

ЦИФРЫ ПО ПОВОДУ СЛОВА СОБСТВЕННОСТЬ

Соединённые Штаты Америки — самая богатая страна капиталистического мира. Особенно хорошо это видно одному проценту взрослых американцев — им принадлежит почти треть национального богатства и 80 процентов капиталов.

Гораздо меньше ощущают это остальные 99 процентов взрослого населения страны, которым досталось 70 процентов национального богатства.

И уж совсем мало испы-

Ну-ка выгляни в окно — чей там автобус прошёл? Чей магазин открывает двери поутру? Чья телефонная будка стоит у подъезда, и чей там висит таксофон?

Мало ли можно задавать нелепых вопросов?! Хорошо ещё автор не спрашивает, чей снег лежит во дворе и чьё солнце его скоро растопит. Это — общее, наше. Это всё для всех.

Ты ходишь в свою школу, возвращаешься с уроков в свой дом, папа ходит на свой завод, а сестрёнка любит свою группу в своём детском саду. Но никто из вас на этот счёт не обольщается. Твоя школа такая же своя для тысячи её учеников, папин завод такой же свой для десяти тысяч работающих там людей и для многомиллионного населения нашей страны, которое пользуется продукцией этого завода.

Всё это находится в собственности государства. Государство заинтересовано в том, чтобы ты мог учиться, мама могла ходить на работу. Поэтому оно строит для тебя школу, а для сестры — детский сад. За счёт чего? За счёт части материальных благ, которые произведёт на заводе твой папа.

Он заинтересован произвести больше, хотя всё это достанется государству на правах собственности. Но ведь из большего государство может израсходовать больше средств на тебя, сестру, маму — на всех.

И государство заинтересовано предоставить возможность папе производить больше. Поэтому оно даёт ему работу, всё более совершенные станки. Обеспечивает условия для повышения квалификации.

И государство знает, что никто, кроме твоего папы и таких же рабочих, как он, не может увеличить его благосостояние. И папа знает, что никто, кроме государства, не может предоставить ему возможность повысить наше общее благосостояние.

На правах собственника государство определяет, что делать и на что тратить. Мы все —

СОБСТВЕННОСТЬ

народ — доверяем ему это право распоряжаться и владеть, поскольку сами создавали государство, представляющее интересы всего народа, и контролируем его через Советы народных депутатов, которые сами и выбираем.

И за океаном, допустим, есть такой же завод, но владеет им не государство, а, скажем, мистер Томсон, тоже, наверное, чей-то папа. И мистер Томсон заинтересован произвести больше продукции, так как от этого зависит благосостояние его семьи. Лично сам он, естественно, ничего произвести не может, но он нанимает рабочих, и они к нему приходят, поскольку своих средств производства не имеют.

Мистер Томсон делится с ними частью Продукта, чтобы они прокормили и свои семьи. А вот в этом-то как раз мистер Томсон заинтересован меньше всего. Чем выше будет благосостояние семей рабочих, тем меньше барыши мистера Томсона. И он всегда будет хотеть платить рабочим меньше. Он может вообще продать свой завод или закрыть его, и рабочие тогда вообще не получают ничего, кроме пособия по безработице. Всё зависит от того, как решит мистер Томсон, ибо он — собственник средств производства.

Такие между ними складываются отношения.

Ясно, что это — отношения между классами. Мы ведь ничего не знаем о характере мистера Томсона и человеческих качествах его рабочих, но отношения между ними знаем определённо. Они определены правами собственности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОБСТВЕННИКА

Лодыри в обществе людей производящих, как мы знаем, не выживали. Насчёт глупцов сказать трудно, но уж мудрецы-то явно были. А так как все заботы тогда ограничивались, в основном, ведением хозяйства, мудрец прежде всего был экономистом.

Вот этого древнего экономиста и осенило.

Если раньше, рассуждал он, человек сколько Продукта добудет, столько его и съест, то теперь руки человека делают больше, чем может съесть его рот. А ведь как раз рук-то и не хватает в хозяйстве, разросшемся для производства лишнего Продукта.

Нужна дополнительная рабочая сила, понимает мудрец-экономист. Ещё лучше такая рабочая сила, которая работать бы работала, а на свою долю в дележе дополнительного Продукта не претендовала.

тывают на себе процветание родины те 33 миллиона американцев, которые официально признаны бедняками.

Заинтересовано ли государство в более пропорциональном распределении национального богатства? Об этом можно судить по высказыванию бывшего сенатора США Бойеса Пенроуза:

1% > 99%

«Вы посылаете нас в конгресс. Мы принимаем законы, которые дают вам возможность делать деньги. Из полученных прибылей вы вносите новые вклады в наши избирательные фонды, чтобы опять направить нас в конгресс для принятия законов, которые позволяют вам делать ещё больше денег».

«Конгресс, — говорят американцы, — это самое лучшее, что можно купить за деньги». Ясно, что денег на покупку высшего законодательного органа государства у 33 миллионов бедняков не хватит, а у одного процента богачей — вполне. А кто платит — тот и заказывает музыку.

...В нашей стране с 1970 года реальные доходы населения выросли в 1,5 раза.

За это же время более чем в три раза увеличилось количество семей со среднемесячным доходом свыше 100 рублей на человека. Так, распоряжаясь национальным богатством страны, государство сочло необходимым увеличивать достаток малообеспеченных семей быстрее.

*Заметки
на полях рукописи,
сделанные
Николаем Жунаковым
по поводу
прочитанного*

*Понял я, как надо было
Разделить своё богатство,
Чтобы было справедливо
Без насилия и рабства,
Вижу даже два пути,
Чтобы рабство обойти.*

*Первый: досыта не есть.
Ведь проблем не возникало,
Когда пищи не хватало?
Если племя всё съедает,
Что способно произвести,
То обмен не возникает,
Остаётся всё, как есть.
Если лишнего продукта
Не способен род создать,
На него тогда как будто
Некому претендовать?*

*А коль этот путь плохой,
То пожалуйста — другой.
Распознать бы предкам надо
Загребущего того,
Кто отнять задумал стадо
Для владенья своего.*

Но кто же на такое согласится? — рассуждает он дальше. Только тот, у кого и спрашивать не надо. Не соплеменник, с которым ты, по условиям родового братства, равен, а зависимый человек — Раб. Раб будет трудиться, а ты — кормить его, как кормишь скот, заботиться о нём, как заботишься о скоте. Он — часть родового хозяйства, значит, нуждается в твоей заботе. Надо только добыть Раба, как всё, что добывал ты для хозяйства родного рода.

Так возникла потребность в войне — иначе где же взять рабов?

Полуголодный дикарь воевал только за честь и независимость рода. Сытый варвар — ради грабежа. Для него война стала промыслом, ничуть не менее достойным, чем любой другой. Она тоже давала дополнительный Продукт, который можно использовать для обмена. Меняли рабов на скот, и скот, выращенный с помощью рабского труда, на рабов.

И наш Мальчик (помнишь нестарееющего Мальчика?), слегка повзрослевший за несколько тысячелетий, окрепший на здоровой обильной пище нового времени, добрый Мальчик, который когда-то любовью к животным открыл людям путь к изобилию, весело шагал в гурьбе подростков-прашников на грабёж.

Когда мужчины дружным ударом захватили стойбище соседнего рода и погнали чужаков к реке, он изловчился — как учили, как пробовал уже отлавливать диких жеребцов, — метнул аркан, и петля захлестнула бегущего сверстника. Тот упал, ещё пытаясь освободиться, вырваться, но Мальчик всё туже натягивал верёвку, пока не подбежали свои, не забили пленника палками... Мальчик был счастлив и горд: наконец-то и он приведёт нового раба, значит, он теперь ничем не хуже взрослых.

Как ты думаешь, если бы наш нестарееющий Мальчик мог, вопреки нашему условию, окончательно повзрослеть, кем бы он стал, когда вырос?..

Между тем на войну гурьбой не ходят, это не пастьба. Нужен предводитель, вождь. С каждым грабительским походом увеличивались значение и власть родовых вождей, старейшин. Через родовых старейшин осуществлялся и обмен между родами — не всей же общиной на торг ходить. Община доверяла вождям распоряжаться

как собой на войне, так и общим стадом.

Община доверяла, а старейшины распоряжались. И стало привычным, что сын вождя избирается новым вождём, стало привычным, что поколения этой семьи распоряжаются общественным стадом, как своим. И постепенно стадо перешло в собственность глав избранных семей.

Семья, владеющая стадом и имеющая рабов, была настолько сильна, что могла противопоставить свои интересы интересам рода. И противопоставляла — если интересы не совпадали. А как они могли совпадать?

Кто взял — тот имеет. Кто не имеет — тот работает. Если ты взял в своё пользование стадо, средства производства, твой соплеменник сам придёт к тебе. Но уже не соплеменником — рабом. Ты ведь прекрасно понял, как выгоднее вести хозяйство.

Пастух, когда-то беспечно воспользовавшийся трудом пленённого раба, понял, но запоздало, что и его труд, и он сам могут достаться другим. Но пути назад уже не было.

Теперь ясно, кем бы мог стать нестареющий Мальчик, если бы он вырос? Либо рабовладельцем, либо рабом. Третьего не дано. Ибо произошло первое имущественное разделение труда — на рабовладельца и раба. На Человека Производящего и Собственника. Между ними — пропасть, возникшая из-за отношений к средствам производства.

Так лишнее, пятое, яблоко стало яблоком раздора. Возможность завладеть им создала Собственника. Плод чужого труда, не политый собственным потом, оказался настолько сладок, что иного Собственник уже не хотел.

Труд создал человека, но стал и его мучителем. Производство, возникшее для обеспечения жизненных благ общества, обогатило только тех, кто сумел поставить себя над обществом.

С появлением Собственника экономика — мирное искусство ведения домашнего хозяйства — стала учить не только трудиться, но и грабить, обманывать, подчинять слабого.

Однако роль свою выполнять продолжала — она двигала человеческую историю тем жестоким, но необходимым путём, который та всё равно должна была пройти.

*Распознать — и прочь
прогнать*

*Вон из племени за это.
Распрощались — и привет:
Если собственника нету,
Так и собственности нет.
И у племени родного
Снова общая судьба,
И никто не хочет снова
Займать себе раба.*

*Я пишу свои заметки,
Озабоченный одним:
Что ж мешало нашим
предкам
К этому прийти самим?*

ВОПРОС:

**А ПРАВ ЛИ НИКОЛАЙ
ЭКОНОМОВ?**

**ЕСЛИ НЕТ, ТО В ЧЕМ
ОШИБСЯ?**

*Ответы
на загадку в картинках,
помещённую в рассказе
втором*

История была такая. Пионервожатый предложил сделать флажки к празднику в подшефном детском саду. Вызвались Николай Экономов с приятелем, и решили они сравнить, у кого производительность труда будет выше.

Экономов, не теряя ни минуты, принялся вырезать флажки ножницами, а приятель стал выдумывать хитрое приспособление, а Экономов над ним смеялся:

— При чём тут машина, когда сравнивать надо производительность моего труда с производительностью твоего?

Так вот, Экономов опять ошибся.

Производительность труда тем выше, чем больше Produkta за какое-то время может произвести человек. И самый реальный путь её повышения — механизация труда. Смысл в том, чтобы экономить время и силы человека.

казка — небыль,
и это бесспорно

Но живёт эта небыль — века...
В царстве,
Там, где высокие горы
Протыкают насквозь облака,
Во дворце,
На скале,
Над рекою
Жил угрюмый богач Ардаточ.
Пуще глаза берёг он Левкою —
Молодую красавицу-дочь.
Было так.
Он уехал на праздник,
А когда возвратился назад,
То сказал:
— Ты обещана князю.
Он — старик, но несметно богат.
А когда за далёкой горою
Солнцу тучи стелили постель,
Убежала из дому Левкоя,
Чуть заслышав пастушью свирель.
Там за речкой, в убогой лачуге
Жил кудрявый пастух Олевон,
И не знали горянки в округе,
Что в Левкою он с детства
влюблён.

Олевон и Левкоя отважно
На вершину горы поднялись.
— Я люблю,—
Тихо вымолвил каждый.
И слова по горам разнеслись:
— Только ежели кто-то обманет,
Нашу клятву нарушит, как вор,
Пусть тогда на отступника грянет
В час расплаты возмездие гор.

Так случилось, что клятву
услышал
Ненароком крутой Ардаточ,
Взял он плётку
И из дому вышел,
Он дождался красавицу-дочь
И спросил:
— Ты не слышала разве,—
Крепко стиснула плётку рука,—
Что обещана старому князю?
Так и будет!
Забудь бедняка!
— Я забуду,—
Сказала Левкоя,
Но на горы взглянула тайком,—
Лишь позволь, на скале, над рекою
Я прощусь при тебе с пастухом...

Лев Гаврилов

Сказка о богатстве, коварстве и любви

по мотивам
народных сказок

На скале бедняка обнимая,
Прошептала Левкоя ему:
— Пусть я стану, как скалы, немая,
Но себя не продам никому!
И у края обрывистой кручи
Сговорились шагнуть за черту:
— Лучшее смерть!
Он ответил ей:
— Лучшее!
И бесстрашно шагнул в пустоту.

Но не бросилась следом Левкоя,
Красоту пожалела свою,
Только веки прикрыла рукою
И осталась стоять на краю.
Ардатов не промолвил ни слова,
А Левкоя сказала отцу:
— Я покорна тебе и готова
Хоть сейчас отправляться к венцу.
С тех минут во дворце разговоры
О гостях и о свадьбе вели...

Но не знала Левкоя, что горы
В первый раз пастуху помогли:
Над дорогой из трещины горной
Деревцо разветвилось, да так,
Что на ветках его непокорных
Удержался влюблённый бедняк.
А дорогой, близ этого места,
Старый князь проезжал
под скалой.

Не терпелось увидеть невесту!
Да упрямылся конь удалой.
— Эй, взгляните-ка, что там
такое?

Слуги юношу сняли с ветвей.
И спросил Олевон:
— Где Левкоя?
Где Левкоя? Скажите скорей!
Князь на это ответил поспешно:
— Во дворце примеряет венец.
И пастух усмехнулся:
— Конечно,
Ты недаром спешишь во дворец...
Из-за денег твоих обманула
Ардатовчева дочь бедняка,
Если ревность в тебе не уснула,
Не жалею дорогого клинка.
Пусть умру я, как пёс, на дороге,
Без Левкои мне жизнь не нужна.
А тебя на дворцовом пороге
Заждалась молодая жена.

Князь — коварен.
С коня осторожно

Он спустился:
— Завидуешь мне?
Но тебе я завидую тоже,
И завидую, может, вдвойне.
Жизнь, как ветреный день,
пролетела,
Ты взгляни на меня — в чём
душа?!

Мне бы молодость, крепкое тело,
Всё бы отдал за них до гроша.
И ответил пастух:
— Мы с тобою
Сговоримся и просьбу твою
Я исполню!
Отдай мне Левкою,
Ну а молодость — я отдаю.
Только ежели кто-то обманет
И нарушит рискнёт уговор,
Пусть тогда на отступника грянет
В час расплаты возмездие гор.

Усадили за стол у окна,
Немудрёной едой угостили,
Поднесли золотого вина.
Был пастух, словно горы, спокоен,
Не коснулся еды и вина,
Он всё время смотрел на Левкою
И шептал:
— Как прекрасна она!

Но когда при народе невесту
Обнял князь,
Встал пастух:
— Погоди!
Князь, а ты поступаешь бесчестно!
Ты мне отдал её — уходи!
Князь горяч и ему не до спора,
Крикнул слугам:
— Схватить старика!

И опять молчаливые горы
Не забыли в беде бедняка:
Гром над крышей дворцовой
треснул,
Будто чёрт кочергою огрел,
И жених на глазах у невесты
Неожиданно вдруг постарел.
А пастух старицовой
Клюкою
Не шутя погрозил жениху,

Стал опять молодым,
А Левкою
Посмотрела в глаза пастуху.
Ей пастух поклонился:
— Ну что же,
Я уйду... Ты себя не гневи,

Но скажи: разве деньги дороже
Нашей нежной, как песня,
любви?!

— Не дороже,—
Сказала Левкою,—
И не сравнивай даже, но вот
То, что будешь ты счастлив
с другою,

Мне покоя сейчас не даёт!
Эй! закуйте бродягу в подвале
И пошлите туда палачей!
Десять слуг перед юношей встали,
Разом выхватив десять мечей.
И скрутили, как беглого вора,
И сломали о спину клюку...

И тогда молчаливые горы
Вновь на помощь пришли бедняку:
Снова громы ударили глухо,
Сотни молний разрезали ночь,
И увидели все, что старухой
Стала вдруг Ардаточева дочь!
А пастух, молодой и красивый,
Не прощаясь, ушёл со двора,
Поклонился и крикнул:
— Спасибо!
Как любовь неподкупным горам.

А скалу в том заброшенном
царстве,
Где не пели с тех пор соловьи,
Называли «Скалою коварства»
Или звали «Скалою любви».
И, наверное, многим известно,
Что не должен испытывать страх
Бескорыстный, влюблённый
и честный
Даже в самых суровых горах.

Рис. Ю. Бочкарёва

Три года назад, отмечая 100-летнюю годовщину со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского, мы обратились с просьбой к нашим читателям — помочь нам создать «Нашу Чукоккалу», собрать воспоминания об этом необыкновенном человеке, замечательном детском писателе, учёном, педагоге...

Несколько материалов мы уже напечатали. И вот — ещё один. Нам кажется, что опубликовать его лучше всего в марте — ведь в марте и день рождения Корнея Ивановича, и замечательный праздник — Неделя детской книги.

Ольга ЛОМАН

«Всем сердцем с вами»

(Из воспоминаний о К. И. Чуковском)

Корней Иванович Чуковский...

Мне посчастливилось много лет знать этого доброго, мудрого, щедрой души человека, дружески общаться с ним, переписываться долгие годы. Бережно храню я его письма, такие интересные, доброжелательные, полные светлых мыслей о жизни, о Родине, о любимой работе, о родной литературе. Непостижимо, как при всей своей занятости успевал он писать эти письма, отвечать на вопросы, помогать советами, интересоваться не только делами своих корреспондентов, но и их личными заботами, здоровьем, их детьми!

И всё-таки главным делом жизни Корнея Ивановича был Некрасов — великий народный поэт Николай Алексеевич Некрасов, которого он горячо любил, изучал, пропагандировал. Свою любовь к поэту Корней Иванович распространял на некрасовские учреждения, музеи и на людей, занимающихся им. В числе этих учреждений был Музей-квартира Некрасова, а в числе этих людей была и я — тогда его многолетний хранитель. Музей был открыт в 1946 году в Ленинграде, на Литейном проспекте в доме № 36, в квартире, в которой 20 лет жил Некрасов и где помещалась редакция редактируемых им журналов.

Корней Иванович жил тогда в Москве, чаще под Москвой в Пере-

К. И. Чуковский.

Портрет работы Г. Сайбаталова

делкине, но в Ленинград, свой родной город, приезжал и в каждый свой приезд обязательно бывал в нашем музее. «В Ленинград приеду непременно — живой или мёртвый», — пишет он мне в одном из писем. И в другом: «Милый музей в родном Ленинграде...»

...Высокий, худощавый, быстрый в движениях, он вбегал по широкой лестнице, ведущей в квартиру Некрасова на второй этаж. У него — стремительная походка и молодые, живые глаза. Голос высокий и звонкий. Он весело привет-

ЧЕРНИЛЬНИЦА И РУЧКА Н.А. НЕКРАСОВА

ствует хранителя. Пожимает руки сотрудникам, всем без различия, благодарит их за большой труд, за чистоту и порядок в музее. Все расцветают в улыбках от его внимания и шуток.

А он уже спешит в залы. Вприхожей на ходу обнимается с мишкой — этот охотничий трофей Некрасова (чучело медведя); как и сто с лишним лет назад, встречает посетителей. Портреты Некрасова разных лет, портреты его друзей и соратников — всё интересно ему, всех он знает, как родных, и увлекательно о них рассказывает.

Особенно волнуют его подлинные вещи поэта. Вот он — в кабинете, молча стоит перед письменным столом Некрасова, смотрит на его чернильницу, ручки... Здесь рождались его стихи. «Стихи мои! свидетели живые за мир пролитых слёз!..»

Но Корней Иванович уже переходит от письменного стола к другой реликвии: конторка Чернышевского даёт ему тему для интереснейшей новеллы о «трёх великих Николаях» — Николае Алексеевиче Некрасове, Николае Гавриловиче Чернышевском, Николае Александровиче Добролюбова, — возглавлявших журнал «Современник», об их дружбе, взаимной помощи в нелёгкой журнальной работе. Эти замечательные люди «любили работать вместе, советуясь друг с другом, помогая друг другу», — напоминает Чуковский слова Чернышевского.

Постепенно к нам присоединяются посетители музея. Дети, пришедшие всем классом на экскурсию, слушают, раскрывши рот. Они и не подозревали, что судьба подарит им неожиданную встречу с Чу-

ковским, которого они любят давно. Они и не знали, что этот необыкновенный человек, автор «Мойдодыра» и «Айболита», — учёный, так много знающий о Некрасове и так интересно умеющий о нём рассказывать.

А Корней Иванович переходит в следующую комнату. Здесь проходили когда-то за большим столом совещания писателей, сотрудников некрасовского журнала. Толстой, Тургенев, Гончаров, Островский работали здесь вместе с Некрасовым, читали новые произведения, обсуждали их, спорили. Корней Иванович спрашивает:

— А что было бы, если бы однажды над этим столом рухнул потолок? Вообразите несчастье! Это значит, что не было бы у нас ни «Войны и мира», ни «Отцов и детей», ни «Обломова», ни «Кому на Руси жить хорошо». Не было бы ни «Дедушки Мазая», ни «Генерала Топтыгина!»

...Впервые Чуковский побывал в нашем музее в 1950 году и тогда же в письме выразил своё восхищение: «Это чудесный памятник Некрасову! Эта квартира — одна из святынь Ленинграда» (21 января 1950 г.). В следующем письме (10 апреля 1950 г.) он вновь делится своими впечатлениями: «О музее можно сказать, что это чудесное средство пропаганды Некрасова... Впечатление огромное!»

Дела музея занимали большое место в нашей переписке: то он даёт советы по его экспозиции, указывает на достоинства и недостатки некоторых иллюстраций, то волнуется о судьбе очередного некрасовского сборника, то пишет тёплые слова для книги отзывов, то

НОЖ ДЛЯ РАЗРЕЗАНИЯ
КНИГ

присылает новую книгу с дарственной надписью. Но мою просьбу — прислать в музей свой портрет — Чуковский решительно отверг. «Что же касается моего портрета, — писал он 20 июня 1953 года, — разрешите не выполнять этой лестной для меня просьбы. Я не считаю себя достойным такой чести — и здесь решение моё незыблемо. Было бы с моей стороны дикой претензией экспонировать себя в музее Некрасова».

Так и не прислал он нам своего портрета. Но однажды, во время одного из научных заседаний в музее, молодой наш художник Гайдар Сайбаталов нарисовал Корнея Ивановича во время его выступления. Когда ему показали рисунок, он был очень удивлён и написал на нём: «Невыспавшийся в вагоне».

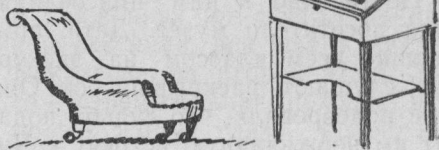
В один из приездов Корнея Ивановича в Ленинград мы отправились с ним на Васильевский остров в гости к профессору Владиславу Евгеньевичу Евгеньеву-Максимову. Это был большой учёный, всю жизнь занимавшийся Некрасовым, и добрейшей души человек. Когда-то, в первые послереволюционные годы, Корней Иванович и Владислав Евгеньевич разыскивали некрасовские рукописи, очищали их от искажений царской цензуры. Ведь в то далёкое время, когда жил Некрасов, царские чиновники-цензоры строго проверяли каждое написанное им произведение: напишет Некрасов стихотворение, полное горькой правды о жизни страдающего народа, а цензор или вовсе запретит его, или красными чернилами перечеркнёт строки с «особо вредными мыслями», в которых усмотрел «революционный дух». А то ещё возьмёт и заменит

одно слово другим, что меняло подчас смысл стихотворения. Огромный труд совершили тогда ещё молодые учёные-энтузиасты — Чуковский и Евгеньев-Максимов: напечатанные до революции тексты Некрасова они сличали с его рукописями, исправляли искажения и дали советским читателям подлинного Некрасова.

И вот теперь они, уже не молодые (тогда им было под 70), вспоминали старое, загадывали о будущем, делились своими планами... Слушать этих людей было наслаждением: какой фейерверк светлых мыслей, шуток, остроумия, и какие важные дела тут же решались — об изданиях Некрасова, о полном собрании его сочинений, сборниках, конференциях, ему посвящённых, о вышедших исследованиях молодых некрасоведов. Они понимали друг друга с полуслова. Когда в 1955 году профессор Евгеньев-Максимов скончался, Чуковский писал мне: «Горячо сочувствую мысли издать сборник памяти В. Е. Мне хорошо памятливы первые годы его борьбы за Некрасова... Здесь много поучительного. Все его письма ко мне сохранились — здесь богатый материал».

...Шли годы. Появились, как писал Корней Иванович, «стариковские недуги», но энергия и бодрость духа не оставляли его. Он торопится завершить начатые работы, осуществить несколько задуманных им дел. «Я на старости лет все свои сбережения вложил в постройку библиотеки для детей в Переделкине». И через полгода: «Все имевшиеся у меня рукописи

КРЕСЛО Н.А. НЕКРАСОВА
И КОНТОРКА
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Некрасова я пожертвовал в Ленинскую библиотеку...»

Письма его сердечны, задушевные. «Сестра моя по Некрасову» — пишет он мне... На подаренной им книге ставит трогательную надпись: «О. В. Ломан — братский привет от К. Чуковского». Не забывает он и сотрудников музея: «Шлю сердечный привет всем сотрудникам музея, которых люблю как родных — так дорого мне то священное дело, которое они творят изо дня в день».

Приезжать в Ленинград становилось ему всё труднее. Частое нездоровье мешало его приездам и

на Всесоюзные Некрасовские конференции. Но он никогда не забывал прислать дружеский привет их участникам.

Вот одна из последних его телеграмм: «Ленинград мой родной город, Некрасовский музей самый родной дом для меня в Ленинграде... Клянюсь всем участникам конференции... Жалею, что не могу участвовать в вашей работе... Всем сердцем с вами и да здравствует великий Некрасов».

Он и сейчас «всем сердцем с нами» — наш большой друг, всю жизнь посвятивший детям и литературе родной страны.

Рис. К. Севастьянова

Стихи о весенних ДОЖДЯХ

ПЕРВЫЙ ДОЖДИК

Ты — самый первый
дождик,
Притихший под сосной.
Тебя не любят осенью,
Но ждут тебя весной.

Проснулся, белым облачком
Поплыл по небесам
И, погрузив немножечко,
Всплакнул на радость нам.

Весенний первый дождик!
Ты плачешь, я смеюсь,
И вымокнуть до нитки
Ни капли не боюсь!

Большими станут лужи,
Пополнятся моря,
И самый первый дождик
Отпразднует земля.

Промышлянская Аля, 4-й класс

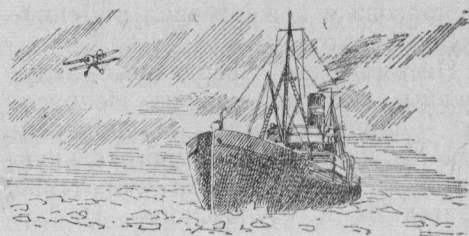

ДОЖДЬ

Дождь по улице шагает,
Он высокий и худой,
В старой курточке потёртой,
Он смешливый, молодой.

И сапожки по колено,
И весёлый, шустрый взгляд,
Пристаёт ко всем прохожим,
Только зонтики шуршат.

Самохвалова Катя, 5-й класс
Рис. Л. Московского

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. Н. Котляревского

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

Ледокол!

В предвоенные годы для нас, мальчишек, уже само это слово — «ледокол»!!! — свидетельствовало о мужестве, настойчивости, подвиге. И, конечно, самым главным из всех ледоколов считали мы «Ермак»!

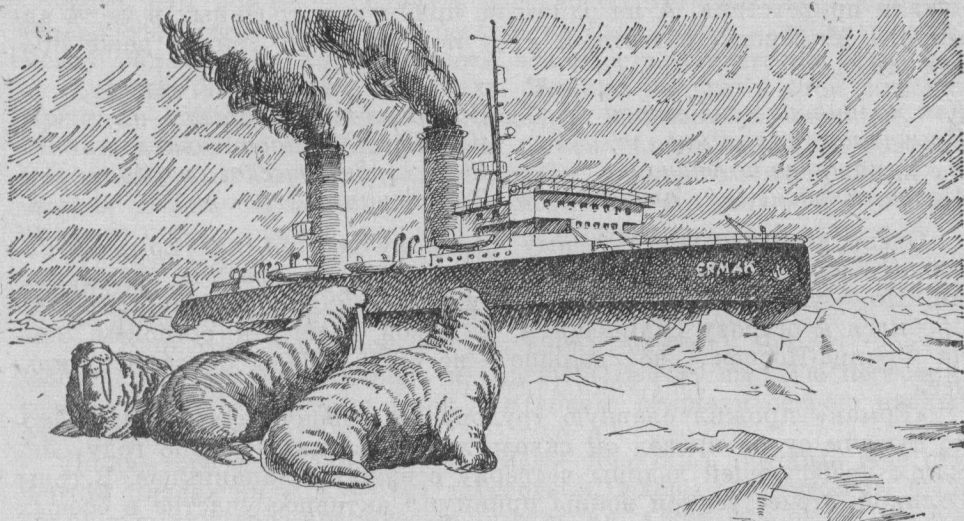
В детстве я жил на 15-й линии Васильевского острова и хорошо помню, как этот ледокол стоял, пришвартованный к стенке набережной Лейтенанта Шмидта, прямо напротив нашей линии. Однажды я даже побывал на «Ермаке»: наш пионерский отряд водили туда на экскурсию. Особенно запомнились капитанская рубка и, разумеется, колесо штурвала. Хорошо знали мы имя отважного капитана «Ермака» — Владимира Ивановича Воронина, а вот о создателе этого судна адмирале Степане Осиповиче Макарове мы не слышали тогда ничего.

Наверное, впервые увидел Макаров ледокол, когда молодым гардемаринном получил назначение в 1-й флотский экипаж Балтийского моря. В том, 1867, году в зимнюю пору уже ходил из Кронштадта в Петербург пароход «Пайлот», переделанный купцом Бритневым для ломки льда. Предприимчивый купец срезал носовую часть небольшого пароходика так, что «Пайлот» стал не врезаться в лёд, а вползать на него и давить своей тяжестью. Для того времени это было неслыханно — навигация между Кронштадтом и Петербургом могла продолжаться и зимой.

А тридцать лет спустя уже не гардемарин, а адмирал С. О. Макаров, моряк, немало поплававший и повоевавший, в здании Российской императорской Академии наук выступил с докладом о плаваниях в северных морях.

— Посмотрите на карту, — говорил он. — Россия главным своим фасадом выходит на Ледовитый океан. Самой природой она поставлена в исключительные условия. Почти все её моря замерзают зимой. Ледовитый же океан покрыт льдом и в летнее время. А между тем именно в него впадают главнейшие реки Сибири. Если бы Ледовитый океан был открыт для плавания, как далеко бы шагнула наша торговля! Надо строить ледоколы. С их помощью мы сможем поддерживать сообщение с Енисеем, Обью, Леной! Ни одна нация не заинтересована в ледоколах так, как Россия. Природа заковала наши моря льдами, но техника ныне выросла так, что способна преодолеть их!

Продолжение. Начало в «Искорке» № 2.

Противников и малOVERов у вице-адмирала оказалось предостаточно. Но в свои 48 лет он был твёрд, деятелен и в конце концов пробил льды петербургского равнодушия — казна отпустила средства. И хотя строился ледокол в Англии судостроительной фирмой «Армстронг и Витворт», создателем его всё-таки был Степан Осипович Макаров. В Музее Арктики и Антарктики хранятся его чертежи. А офицеры русского флота, работавшие с ним на верфях Нью-касла, говорили потом, что Макаров «обмёл бороною» все механизмы и детали корабля.

Ледоколу дали имя «Ермак» — в честь знаменитого покорителя Сибири. Ведь и ледоколу предстояло прокладывать дороги к необозримым сибирским просторам.

19 февраля 1899 года Макаров поднял на ледоколе флаг, а два месяца спустя «Ермак» отправился в свой первый рейс — в Кронштадт.

Финский залив не замедлил подготовить ему и первое испытание: он был сплошь покрыт льдом. И лёд был суров — толщиной до метра... Хватит ли у машины сил пробиться? Выдержит ли корпус? И вот треск и скрежет ломающихся льдин утонули в криках «ура!»: взламывая ледяное поле, «Ермак» спокойно пошёл вперёд.

Кронштадт ликовал. За двести лет существования крепости «Ермак» был первым судном, которое в зимнее время вошло в гавань с моря.

В честь ледокола гремели оркестры. Летели телеграммы. Одна из них была от Дмитрия Ивановича Менделеева: «Лёд, запирающий Петербург, Вы победили, поздравляю, жду такого же успеха в полярных льдах».

Поступило тревожное сообщение — в районе Ревеля (ныне город Таллин) заперты льдами и терпят бедствие одиннадцать пароходов. Отменив переход в Петербург, «Ермак» двинулся им на помощь: ещё раз пересёк ледовое поле Финского залива, за полчаса освободил его пленников и вошёл в Ревель, ведя за собою, словно в эскорте, одиннадцать спасённых пароходов. А 4 апреля 1899 года вернулся в Неву и встал около Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта).

Казалось, весь Петербург вышел встречать «Ермака». Газеты пе-

чатали приветствия. А на одном из приёмов, устроенных в честь адмирала Макарова, известный в ту пору поэт Н. Гейнце даже прочёл стихи:

*Как молния, из края в край
Промчалось имя адмирала,
И «Ермака» не невзначай
Молва «Степанычем» прозвала!*

*Покорена сама природа —
Всю Русь Макаров обошёл,
И... к сердцу русского народа
Ему не нужен ледокол.*

Очень хотелось неутомимому адмиралу достичь на «Ермаке» Северного полюса. Очень верилось ему, что такая задача осуществима. Но — увы! — льды не пропустили ледокол к полюсу. «Ермак» пробился к острову Шпицберген, к Новой Земле, к островам Земли Франца-Иосифа, но дальше — не смог... Льды оказались сильнее.

«Ермак» прожил славную трудовую и героическую жизнь. Около тысячи судов провёл он сквозь льды Балтики. В 1938 году снимал с дрейфующей льдины четвёрку отважных папанинцев. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в боевых действиях против немецких захватчиков в составе Краснознамённого Балтийского флота. В 1949 году ветеран русского и советского ледокольного флота был награждён орденом Ленина.

В Музее Арктики и Антарктики я снова увидел штурвал «Ермака». Штурвал, побывавший в руках замечательных ледовых капитанов, первооткрывателей морских дорог.

Планета Земля всегда была богата мужественными и упрямыми людьми. В 1909 году англичанин Роберт Пири на собачьих упряжках добрался до Северного полюса. Норвежец Руал Амундсен в 1911 году, а следом за ним англичанин Роберт Скотт в 1912-м достигли полюса Южного.

В нашей стране настоящий штурм Арктики начался после Великой Октябрьской социалистической революции.

Ещё шла гражданская война, когда по указанию Владимира Ильича Ленина 4 марта 1920 года была создана постоянная Северная научно-промысловая экспедиция, а ровно через год — плавучий Морской институт. По следам экспедиции Георгия Яковлевича Седова поплыл ледокол «Георгий Седов». А среди имён выдающихся полярников появилось ещё одно — Отто Юльевич Шмидт. Вскоре люди назовут его «Ледовым комиссаром».

«В 1929 году советское правительство решило построить радиостанцию и метеорологическую обсерваторию на Земле Франца-Иосифа, — писал он о своём первом походе. — Была снаряжена экспедиция на ледоколе «Седов». Начальником экспедиции был назначен я, капитаном ледокола — В. И. Воронин. Участвовали в экспедиции профессор Самойлович, профессор Визе и ряд других научных работников.

Для меня этот поход был «арктическим крещением». До этого я в Арктике не плавал».

Отто Юльевич Шмидт был тогда назначен начальником экспедиции.

16 июля 1929 года он впервые ступил на палубу ледокола. Впервые встретились они друг с другом — Шмидт и Воронин. Ледовый комиссар и ледовый капитан.

«Преодолев лёд, мы в конце концов достигли Земли Франца-Иосифа и построили здесь поселение — радиостанцию в бухте Тихой».

Здесь нам придётся прервать рассказ Отто Юльевича и дополнительно сообщить, что в этом первом посёлке остался на долгую зимовку радист, имя которого тоже вскоре стало известно всему миру — Эрнест Теодорович Кренкель. Именно во время этой зимовки Кренкель однажды услышал позывные неизвестной станции. Он откликнулся. Ему ответили. Стали выяснять, кто и откуда говорит. Оказалось, что Кренкель разговаривает с радистом экспедиции адмирала Берда, находившейся в районе Южного полюса! Это была великая победа радио: впервые вели разговор полюса планеты!

«Георгий Седов» тоже поставил рекорд в том плавании: ни один корабль ещё не забирался своим ходом так далеко на север, как он.

Но предоставим опять слово О. Ю. Шмидту:

«В 1930 году на «Седове» мы вновь посетили Землю Франца-Иосифа и затем направились к Северной Земле, впервые пересекая северную часть Карского моря. По дороге открыли остров, названный именем Визе...»

Да-да, того самого Владимира Юльевича Визе, который ещё студентом плавал на «Св. Фоке» с Георгием Седовым, а потом не было ни одного крупного арктического плавания, в котором бы он не участвовал!

«...На Северной Земле остался т. Ушаков с тремя спутниками, с которыми он в течение двух лет полностью обследовал архипелаг Северной Земли и нанёс его на карту».

И снова следует добавить, что четвёрку ушаковцев Шмидт не только доставил на острова Северной Земли, но и вернулся за ними после двухлетней зимовки.

Пройти за одну навигацию по Северному морскому пути от Архангельска до Берингова пролива и далее до Владивостока — вот какую задачу поставили перед собой смельчаки экипажа «Сибирякова».

Что и говорить, это было нелёгкое плавание. Начать с того, что «Александр Сибиряков» не был ледоколом. Он был всего лишь ледокольным пароходом. А это значит, что и машину он имел послабее, и борта не такие укрепленные... Зато в экипаже были испытанные полярники: О. Ю. Шмидт, В. И. Воронин, Э. Т. Кренкель, В. Ю. Визе!..

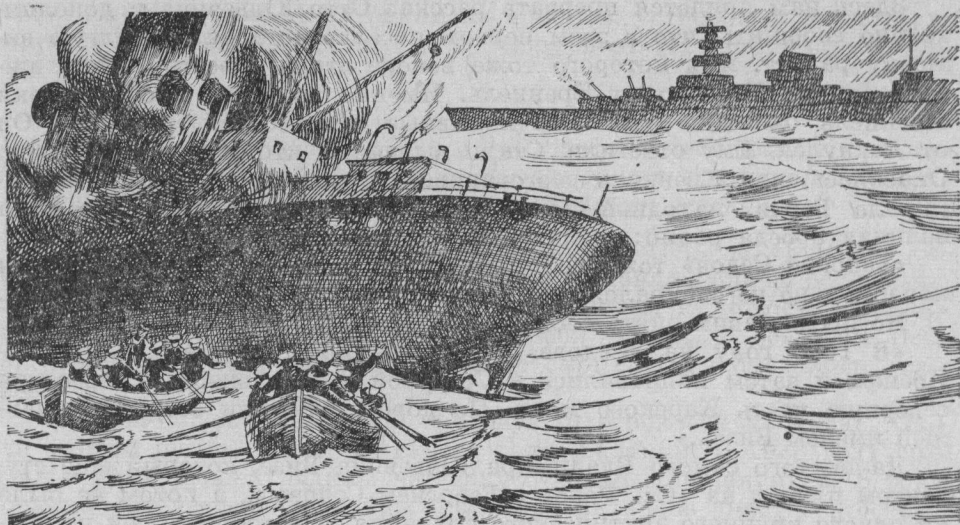
Льды встретили «Сибирякова» уже на подходе к острову Диксон. Через них прошли сравнительно легко. Но возле Северной Земли корабль ждали такие ледовые поля, что пробиться через них было невозможно. Пришлось брать курс резко на север, огибать архипелаг и снова идти к югу.

Опять «Сибирякову» пришлось жаться к берегу, к сидевшим на мелях сверкающим айсбергам. А вскоре ледовое поле преградило путь окончательно.

— Полный вперёд! — И «Сибиряков» с разбега наваливался на льдины, пробивал себе небольшую дорожку. С капитанского мостика слышалось:

— Малый назад! — Ледокольный пароход снова брал дистанцию для разбега.

Случалось, что ледокол заклинивало и тогда он попадал в положение «ни взад, ни вперёд». Сибиряковцы с ломами и кирками высыпали на лёд, долгими часами окалывали свой плавающий дом, вызволяя его из плена. Прокладывали ему путь и взрывами аммонитовых шашек.

Медленно, но упрямо шёл «Сибиряков» к берегам Чукотки, к Берингову проливу. Но чем ближе подходил к ним, тем тяжелее становился толстый, спрессованный годами лёд. Всё чаще капитан Воронин забирался на мачту — в «воронье гнездо», в прикрепленную наверху бочку — и долго смотрел оттуда в бинокль, отыскивая чистую воду. Вниз спускался грустный — разводьев не было...

В середине сентября случилась беда: льды сломали лопасти гребного винта. Двигаться корабль мог, но забраться на льдину и расколоть её — нет.

Значит, зимовка неминуема?

Но сибиряковцы решили иначе. Они решили сменить лопасти гребного винта на плаву, среди льдов.

Сотни тонн угля и продовольствия перенесли они из кормовых трюмов в носовые. «Сибиряков», казалось, собирался нырнуть — нос его всё больше накренился ко льду, но зато поднималась корма. Вот показались и сломанные лопасти. Едва-едва показались... И тогда в воду вошли механики. В холодную воду Ледовитого океана! Два дня не покидали они своих «рабочих мест» и лопасти заменили!

Уголь и продовольствие снова перенесены в кормовые трюмы. И «Сибиряков» снова пошёл вперёд.

Промелькнуло короткое полярное лето. Не только с каждым днем — с каждым часом становилось всё темнее. И всё холоднее, суровее становились дни. До Берингова пролива оставалось уже менее ста миль, когда на ледокол обрушилось большое несчастье — сломался большой гребной вал. Не лопасти уже, а сам вал, который приводил их в движение.

Кто мог прийти на помощь?

Только ветер.

И он пришёл. Дохнул теплотою уже близкого Тихого океана. Принёс с собой дожди и принялся усердно поливать ледовые глыбы. Льдины кололись, ветер разгонял их. То здесь, то там в белом поле стали появляться тёмные полосы воды.

Но ведь гребного-то вала всё равно не было!

— Будем ставить паруса! — предложил Шмидт.

Какие паруса? Откуда их взять?

— Шить из брезентов, которыми накрыт уголь на корме.

Капитану Воронину в былые годы доводилось плавать на парусниках. Где резать, где шить, он знал хорошо. Раздалась его команда:

— Поднять грот!

Ветер не подвёл «Сибирякова». Он надул парус и погнал судно вперёд! 1 октября 1932 года в 14 часов 45 минут сибиряковцы вошли в Берингов пролив...

Великая Отечественная война застала «Сибирякова» возле острова Диксон...

А 25 августа 1942 года он шел с заданием доставить на островные полярные станции людей и продовольствие. Экипаж корабля, конечно, не мог знать, что командование фашистского военно-морского флота разработало операцию «Вундерланд» (что означало «Страна чудес») и в Карское море были направлены тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер», четыре миноносца, подводные лодки, самолёты с целью захватить в плен одно из советских судов и там найти карты, шифры, коды...

Увидев на горизонте незнакомый корабль, капитан «Сибирякова» А. А. Качарава запросил о его названии. Ответ пришёл какой-то невразумительный, но на корме незнакомца появился британский флаг, и сибиряковцы решили, что встретили союзника. Едва корабли сблизились, с фашистского крейсера ударили орудия и последовал приказ:

— Спускайте флаг, сдавайтесь!

В ответ последовал залп орудий «Сибирякова».

Это был неравный бой.

У «Сибирякова» падает мачта... Вспыхивают на носу бочки с горючим... Ранен капитан... Убит комиссар... Матросы пытаются доплыть в шлюпках до недалёкого острова Белуха. Снаряды и пули настигают их в воде... А к «Сибирякову» спешит катер с гитлеровскими офицерами — за шифрами, за кодами.

Немецкие офицеры считают, что судно командой покинуто, но на «Сибирякове» оставался старший механик Н. Г. Бочурко. Больше десяти лет плавал он на нём, не покинул и в минуту самой грозной опасности. По приказу капитана он уже сжёг всю секретную документацию, а когда увидел приближающийся вражеский катер — открыл кингстоны.

Объятый пламенем, корабль медленно ушёл под воду...

«Сибиряков» погиб. Но в последние минуты он успел передать по радио другим нашим судам:

— В море — немцы!

И когда «Адмирал Шеер» подошел к острову Диксон, его встретил гром орудий.

Из всех сибиряковцев спасся только кочегар П. И. Вавилов. На судовой шлюпке он всё-таки добрался до Белухи и скрывался на острове до 29 сентября. С острова снял его лётчик И. И. Черевичный. После войны за трудовую доблесть на торговом флоте П. И. Вавилову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

(Окончание следует.)

Из рассказов о Севере

ПУТАНИЦА

Самолёт летел из Москвы в Арктику так долго, что Серёже всё наскучило и он уснул у мамы на коленях. Спал так крепко, что не проснулся ни когда самолёт приземлился на арктическом аэродроме, ни когда папа внёс его на руках в свой домик.

Проснулся Серёжа уже в постели под пушистым заячьим одеялом.

В доме тихо. Между неплотно задёрнутыми шторами на окнах проскальзывают солнечные лучи. И комната, и вещи в ней совершенно незнакомы. Но Серёжа не испугался. Сразу вспомнил, что он уже в Арктике, в экспедиции геологов, где папа работает радистом.

Серёжа позвал маму. Мама не отозвалась. Серёжа быстро оделся, вышел в соседнюю комнату — и здесь никого. Заглянул в другую комнату... на кухню... Тоже никого. «Ну, конечно, — подумал Серёжа, — папа на работе, а мама пошла покупать хлеб и молоко».

Серёжа ещё не знал, что в экспедиции нет магазинов, что всё необходимое завозится сюда в навигацию пароходами и хранится на

складах. Повар получает продукты, чтобы готовить для всех полярников. Каждый прямо со склада может получить меховую или ватную одежду, взять там необходимый инструмент, запасную деталь для автомобиля или для механической мастерской, для буровой... Об этом он узнал позже. А пока — вытащил из распакованного чемодана свои игрушки, влез на стул и, стоя на коленях, построил на столе гараж. Только начал заводить туда машины — мама пришла.

— Это ещё что такое? Почему не спишь?

— Так я ж только-только встал!

— Первый час ночи! Сейчас же марш в постель!

Удивился Серёжа — что это такое мама говорит? В окно солнце смотрит и вдруг — ночь! Он сполз со стула и, помахивая перед мамой рукой, ладонью вверх, точно как это делала его московская бабушка, сказал так же внушительно, как сказала бы она:

— Разве ты не видишь, что солнце шпарит во всю ивановскую? Небось сама не спишь, небось папа на работе!

— Папа на ночном дежурстве, а я вышла только посмотреть, где его радиорубка и какая она. После нашего приезда ты поспал всего два часа. «Солнце шпарит!» Мы же в Арктике! Начался полярный день, и солнце светит круглые сутки. И так будет почти полгода.

Серёжа недоумевал:

— Солнце светит круглые сутки, а снег не тает... А в Москве зелёные деревья и травка... и одуванчики...

Мама уложила Серёжу в постель. Серёжа успел подумать: «Раз мама говорит — ночь, значит — ночь. Не будет же мама обманывать! Но путаница какая-то есть...» — и уснул.

ЧУДЕСА В НЕБЕСАХ

Папа приоткрыл дверь из тамбура в комнату и крикнул:

— Серёга, давай одевайся! Сполах — просто диво!

Серёжа торопливо влез в валенки, натянул оленью шубку, пыжиковую ушанку, захватил меховые варежки и выскочил на улицу, где стояли папа с мамой и глядели на небо.

Полярная ночь была в разгаре. Уже месяца полтора не показывалось из-за горизонта солнце. Небом владели ясная луна и ярчайшие, крупные звёзды. То и дело вспыхивало северное сияние. И было оно тем ярче, чем крепче был мороз.

За две зимы, прожитые в Арктике, Серёжа не раз видел северное сияние. Он уже видел на тёмном небе белёсое, перистое сияние, видел и серебристый веер, распахнувшийся на горизонте, и красочные драпри, даже красавицу «корону», напоминавшую ёлочную звезду, только величиной с полнеба. А сейчас он увидел одно из самых чудесных явлений — до странности низко трепетало в небесах широченное сияние из двух огромных полотнищ, кольцами, одно в другом, переливающихся радужными цветами. Разноцветные поперечные полосы, казалось, сменяют одна другую и плавно колышутся в хороводе. Глядеть — не наглядеться!

Сполах вдруг погас! Серёжа успел только огорчённо воскликнуть: «Да куда ж оно!» — как вместо растаявших колец развернулась — тоже

гигантская — лента. Казалось, рука невидимой танцовщицы-великанши заставляет неторопливо вздыматься эту ленту крупными радужными волнами.

Это было очень красиво, но исчезло так же внезапно, как и кольца. А через мгновение начали вспыхивать цветные очажки то там, то здесь. Возгорится один — и погаснет, возгорится второй — погаснет, а там и третий, и ещё, и ещё... Точно они шутливо перемигивались или играли в прятки, только что не аукались.

Пришёл конец и этим лукавым сполохам. Небо как-то особенно потемнело, а тишина тундры, окружающей посёлок нефтяников, стала слышнее.

Люди всё стояли, запрокинув головы, всё ждали новых чудес.

Первой очнулась мама:

— Домой, домой! Пока носы не отморозили!

Тут только Серёжа почувствовал трескучий мороз — как он безжалостно щиплется!

Скорее, скорее в тёплую комнату!

«ДЯДЯ ТУЗ»

В молодости его звали Тузиком. Прямо скажем — малопочтенная кличка для вожака собачьей упряжки. Будто он мелкорослая дворняжка! А на самом-то деле наш Тузик был псом крупным и великолепным, суровым вожакom. Ему бы зваться Силой или Вьюгой, или Вулканом!

А то — Тузик! Но он не обижался. Откликался по первому зову.

Всё шло своим чередом. Много долгих, пуржливых зим возил он со своей упряжкой полярников по заснеженной тундре, по замёрзшим рекам, по обледенелому заливу и морю Лаптевых, доставлял геологам-изыскателям продукты, почту, всё, что им требовалось. В погоду ли, в непогоду — работа не прекращалась. Только летом отдыхали ездовые собаки. Очень коротким арктическим летом.

Шли годы. И хоть тракторы и вездеходы заменили упряжки, но всё же без собак люди не обходились. Меняли их время от времени, а вожак оставался всё тот же. Не так-то просто найти пса, которого бы остальные слушались. Но и вожак мало-помалу стареет и слабеет. Ему трудно становится тянуть лямку, и упряжка чувствует это — не слушается, ленится, и тогда каюр лишается своего помощника.

Так получилось и с нашим Тузиком. Пришлось старика отстранить от работы.

Не сразу Тузик понял в чём дело, не сразу уступил своё место. Как только замечал, что каюр собирается в путь, тотчас становился на привычное место перед нартой, ждал лямку с постромкой под брюхом. Случалось, отвоёвывала своё право, затевал грызню с новым вожаком.

В конце концов, пришлось смириться с отставкой.

Теперь Тузик уныло бродил по посёлку, подрёмывал у кухонного крыльца или у входа в библиотеку. Кухня привлекала перепадавшим угощением, библиотека — общением с людьми. Бурильщик Яша как-то потрепал его по загривку и сказал сочувственно:

— Стареем, дядя Туз? Что поде-лаешь? Бодрись, старина!

С лёгкой руки Яши кличка «дядя Туз» прицепилась к бывшему вожаку, точно репей. А он возьми да тряхни стариной, загорись желанием показать, на что ещё способен, хоть он уже не Тузик, а целый «дядя Туз». Взбодрился и кинулся вдо-

гонку за промчавшейся упряжкой. Мало того, что догнал её, — вёл себя, как самый резвый щеня: убегал вперёд, возвращался, снова обгонял, сворачивал в сторону и снова возвращался. Короче, накрутил не семь километров туда и семь обратно, а много-много больше. А когда прибежал на базу, прямо свалился неподалёку от сарая для ездовых собак. Свалился и уснул между двумя сугробами.

Тут-то его и заметили поселковые ребята. Ребятам до всего есть дело. Лежит пёс на непривычном месте, не откликается ни на старую кличку, ни на новую.

Тормошат его ребята, а ему хоть бы что! Подсунули под самый нос миску с вкусно дымящейся едой — без толку! Забеспокоились. Пришлось бежать за каюром Васей.

— Урс! — крикнул Вася псу в самое ухо, как бы подгоняя его в упряжке.

Лапы «дяди Туза» подёргались в ритме быстрого бега и застыли. Веки дрогнули, а глаза не открылись.

Не стало «дяди Туза»... нашего Тузика.

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Если речь заходила о докторе Бешкереве, то говорили о нём с особым почтением:

— Наш Николай Васильевич? Такого поискать! Прекрасный врач и сама доброта!

И бывал Николай Васильевич в каждом доме не только как врач, но и как самый желанный гость. Вот и

сегодня, под Новый год, отбою не было от приглашений — хоть на части разрывайся!

Вместе с клубами морозного воздуха в коридор больницы ввалился шахтёр Шубин, с Угольного участка. Он откинул с головы на спину обледенелый по кромке куколь собачьей малицы и прохрипел:

— Здравствуйте, Николай Васильич!

— Здорово, Гриша! Простыл, что ли?

— Сынок захворал. Животом мается. Фельдшер полагает — аппендицит. Вот и записка вам. Там всё сказано.

— Тащи сына сюда, — распахнул доктор дверь кабинета.

— Фельдшер не велел везти его. Послал за вами.

— Присядь. Я мигом.

У крыльца больницы ждала упряжка. Собаки против обыкновения не ложились. Будто чувствовали тревогу хозяина, понимали, что разлживаться некогда. Только пёс по кличке Барин, в упряжке крайний справа, лежал, свернувшись клубочком, и безмятежно спал.

— А ну, лодырь, поднимайся! — прокричал ему Григорий, сбегая с крыльца, и дёрнул пса за ошейник.

Барин нехотя поднялся, потянувшись и звонко зевнул. Норовил снова улечься, да Григорий удержал его, а доктору пожаловался:

— Подвели каюры, подсунули лодыря. Сам не тянет и другим мешает...

— Здоров ли?

— Здоровее любого другого пса. Ему бы вожакom быть, а он...

→ Со мной не забалуешь, — с непонятной для Григория угрозой буркнул Николай Васильевич. Большой, широкий в плечах, он выглядел великаном рядом с коренастым шахтёром.

— Урс! — скомандовал Григорий и, когда упряжка сдвинула нарту с места, сел впереди доктора.

Упряжка осторожно спустилась с крутого берега на ледяной залив и торопливо засеменила к Угольному, где сквозь прозрачный морозный воздух тускло, но так заманчиво

светились огоньки редких фонарей.

— Из-за этого лентя казалась — не семь километров до вас, а все семьдесят. А ну, пошевеливайтесь! — Григорий ткнул в сердцах вожака хореем.

Вожак рванулся, и вся упряжка, повинаясь ему, прибавила ходу.

Новогодняя ночь, украшенная яркими звёздами и вспышками радужных очажков северного сияния, была красивой, но очень холодной.

Николай Васильевич натянул на нос шерстяное кашне:

— А морозец-то крепчает!

— Небось — за сорок... — отозвался Григорий и подбодрил собаку: — Тюх-тюх-тюх-тюх...

Собаки было разогнались послушно, а Барин как нарочно замедлил бег. Пришлось вожаку попридержаться. Поняв раньше людей, в чём тут загвоздка, он цапнул Барина за холку. Барин взвизгнул и припустил...

Почти полпути прокатали резво, без задержек, когда вдруг Барин хлопнулся на лёд, будто подкошенный. Упряжка проволокла его немножко и остановилась. Вожак изготвился к прыжку, но доктор успел остановить его.

— Гриша, давай мешок и верёвку.

— У меня нет ничего, — развёл руками Григорий.

— Сразу видно, не каюр. Ладно, обойдёмся... Отцепи паршивца.

Не успел Барин порадоваться свободе, как его укутали с головой в крахмальный докторский халат, опоясали Гришиным ремнём и привязали к нарте.

Григорий испугался:

— Да как же это? Не опоздать бы нам к сынку-то!

— Не опоздаем. А ездового пса потерять можем. Раз спусти, два спусти — и нет его. Сам знаешь, дармоедов Арктика не терпит. Законы здесь суровые. Садись на моё место да не потеряй саквояж.

Доктор подобрал с земли упряжной ремень и крикнул:

— Урс!

Собаки взяли с места резво.

А сзади, за нартой, волочился этаким узлом провинившийся Барин — вихлялся, пересчитывал боками заструги и выбоины, которых не заметил бы, будь он на ногах. Долго ли, коротко ли, а минут десять эта наука продолжалась. Барину, надо думать, минуты показались часами.

— Ля! — остановил доктор упряжку.

— Вот уж чего не ожидал от вас, так не ожидал! — воскликнул с упрёком Григорий. — А ещё добрым слывете!

— Думаешь, мне его не жаль? Но пожалейшь коня — истомилшь себя. Тебе ведь семь километров показались семьдесятю?

Григорий молча протянул потяг в кольцо ошейника и ободряюще потрепал Барина по морде.

Сибирские лайки, как правило, не пустолайки, но когда они в упряжке приближаются к жилью, то лаять начинают неистово. И особенно рьяно — когда впереди собственный дом, где ждёт их кормёжка.

Наши лайки не были исключением. Они ворвались в шахтёрский посёлок с лаем громким и дружным. И, точно приветствуя их, в небеса взметнулись зелёные вспышки ракет, возвещавшие полярникам о наступлении Нового года.

— Куда же вы запропастились?! — кинулась с крыльца жена Григория.

Николай Васильевич обнял её за плечи:

— Спокойно, Любаша, всё будет хорошо. Верь мне. Вылечим мальчонку!

— Да кому же верить, как не вам!

Они вошли в дом, а Григорий отвёл упряжку к стене и сказал, как бы оправдываясь:

— Послушаю, что скажет наш добрый доктор, а тогда уж и накормлю.

Собаки покорно улеглись мордами к снеговой завалинке. Только Барин не сразу осмелился лечь. Лёг, когда убедился, что все собаки спокойно подрёмывают.

*В полночь следопыту,
идущему по тропинке
в лес.*

К фотографиям на третьей странице обложки: вместо точек поставь зверя или птицу.

Рис. Г. Попова

Во времена моего детства, юные друзья, никаких печатных календарей мы и в глаза не видели. О том, что наступил конец недели или приближается праздник, объявляла у нас дома бабушка. А вот откуда ей самой это было известно — долго оставалось для меня загадкой. Но потом я подрос и узнал, что у моей бабушки есть на всё про всё свои приметы. По ним она отсчитывает время, может предсказать ненастье, ясную погоду, удачную или неудачную охоту для мужчин. Взглянет, бывало, на молодой месяц или прислушается к лаю собак — и уже знает: завтра будет то-то и то-то, лучше поступать так, а не иначе.

И чаще всего её предсказания сбывались.

Давным-давно ушла на вечный покой моя бабушка. Но в памяти у меня хранятся её рассказы и приметы. Как и она, случается, прищурясь, гляжу я на солнце и пытаюсь предугадать, каким будет новый день.

— Всегда прислушивайся к тому, что толкуют старые люди, — говаривала бабушка. — В их речах — голос предков.

Для того чтобы этот голос предков не умолк, не забылся, я и хочу познакомить вас с теми приметами, которые я запомнил от своей бабушки. Может, и вам пригодится её чудесный календарь!

ЮРТА ДЛЯ СОЛНЦА

Наш аал зимовал в местечке Қажаалыг. Две юрты стояли рядом — бабушкина и моих родителей. Помню, ушёл однажды отец охотиться на рысь и повёл с собой моих старших братьев. В аале остались только женщины.

Бабушка и мать тревожно поглядывали на небо. Я тоже задрал голову вверх и уставился на спящее солнце.

— Смотри-ка, — сказала бабушка, — солнце в свою юрту забирается. Быть буре-пурге!

Я не понял этих её слов, а мама озабоченно нахмурилась.

— Да, — вздохнула она. — Нужно спешить, а мужчин как назло — никого!

Я громко кашлянул, чтобы на-

помнить о себе. Разве они забыли, что я — мужского рода-племени?!

— Беги, сынок, отгони коров в лошину, где серый тальник, — словно прочитав мои мысли, распорядилась мама.

— А я пойду овец проведу, все ли здесь, — заторопилась бабушка. — Не надо их сегодня в отару пускать.

Направляясь к коровам, я продолжал разглядывать солнце. Вокруг огненного диска кольцом завилось какое-то радужное свечение. Постепенно оно всё больше и больше наливалось красноватым светом. Что имела в виду бабушка, когда сказала «юрта»? Может быть, это необычное кольцо? До чего же интересно: у солнца, как у людей, — своя юрта!

Я погнал коров в лошину, защищённую от ветра. Вскоре, запыхавшись, прибежала мама — она волокла за собой мешок, наполненный солончаком.

— Давай скорее! Помоги мне! — крикнула она.

Мы стали пригоршнями раскидывать солончак меж кустов. Вздораженные перегоним коровы мигом успокоились и принялись сли-

зывать с земли солёное лакомство. Теперь их из ложины на аркане не вытянешь!

— Ну, коровушек мы укрыли, — сказала мама. — Здесь они будут в безопасности. Пойдём помогать бабушке.

Овцы в хлеву беспокойно блеяли. Бабушка возилась с жердями и верёвкой, укрепляя входную дверь.

— Хорошо, что вы подросли! — обрадовалась она. — Возьмите два долгак¹ сена. Один бросьте овцам на кормёжку, а другой подвесьте в хлеву, повыше.

Мы так и сделали. Овцы, почуяв запах свежего сена, притихли и накинулись на долгак. Овцам теперь тоже ничто не грозило.

Мы вышли наружу. Уже вовсю свистел ветер, завихривая по земле сухой навоз. Солнце скрылось за тучами. Повалил снег. С хрустом ломались ветки старой лиственницы — буря-пурга набирала силу.

Мы едва успели спрятаться в своих юртах...

До сегодняшнего дня я помню то весеннее утро в Кажалыге и сбывшееся предсказание моей бабушки. И теперь уже знаю точно: завелась у солнца своя «юрта» — жди пурги или выюги!

СОЛНЕЧНЫЕ УШИ

— А ты всегда ранним утром поглядывай на солнышко, — раз посоветовала мне бабушка. — Бывает так, что только оно взойдёт и зоря темноту разгонит, а у него вдруг возьмут да и вырастут уши.

— У кого уши? — удивился я. — У солнца?!

— Да, у солнца. Два таких вроде бы сияющих пятна по бокам. Увидишь их — сразу хворост запасай! Обязательно похолодает. Тучи

¹ Долгак — скрученный венец сена.

наползут, небо злиться начнёт. Ну, пойдём за дровами? Собирайся!

Мы набрали сушняка, и в юртах наших было тепло.

Потом я уже и сам по «солнечным ушам» научился определять погоду и сразу же бежал заготавливать топливо. Очень уж мне хотелось помочь маме и бабушке!

КРАСНЫЙ ШАР

— И вечером наблюдай за солнцем, — говорила бабушка. — Если оно выглядит, как ярко-красный шар, — день завтра будет прекрасный, это уж точно!

Как я радовался ранними вёснами, увидев, что солнце красным мячиком скатывается по небу вниз и исчезает за горами! Раз будет хороший денёк, может, в нашем аале начнут наконец собираться на перекочёвку.

А ведь для детей — это такой праздник.

СЫТАЯ ЛУНА

Часто вечерней порой мы с бабушкой сживали на пороге её юрты.

— Смотри, — говорила она. — Старый месяц ушёл. Нарождается новый.

Я с любопытством глядел на бледно-золотистый ломоть луны, выплывающий из-за облаков.

— О-о-о! — ликовала бабушка. — Луна-то на этот раз сытая!

— Сытая? — недоумевал я.

— Видишь, какой у неё краешек толстый?

— Да-а-а, — неуверенно тянул я.

— Когда луна толстая — весь месяц будет погожим. Так в старину люди говорили.

Кому же не понравится обещание отличной погоды, да ещё в течение долгого времени? Словно лихой жеребёнок, вскочил я на ноги и помчался вокруг юрты...

ХУДАЯ ЛУНА

— А что будет, если луна явится толодной? И краешек у неё окажется тонким? — спросил я у бабушки в другой раз.

— О-хо-хо! — вздохнула бабушка. — Плохо придётся нам, кочевому народу. Ветры задуют сильные. Дожди польют. А может, и снег с градом нагрянут.

— И целый месяц плохая погода протойт?

— Целый месяц.

Помню, когда новая луна мне однажды показалась «худющей», я опрометью бросился в юрту отыскивать свою зимнюю одежду — сын пастуха-арата, я умел ценить тепло чуть ли не с пелёнок.

КАМЛЕНИЕ ЗАЙЧИКА

В местности, где была наша стоянка, водилось много зайцев. Но как ни любили охотиться мой отец и старшие братья, этих зверьков они никогда не трогали. Бабушка запрещала.

— Если вы поубиваете зайцев, — сердилась она, — кто же будет камлать-шаманить, весну предсказывать?

Загоняя на ночь коров или овец, я медлил возвращаться в юрту. А вдруг я услышу камлание зайца?

Бабушка заметила моё нетерпение и пообещала:

— Вот наступит ночь потемнее да звёзды зажгутся поярче, тогда и настораживай уши: обязательно ко-сой шаманить начнёт!

И однажды мне повезло. В окружающей нашу зимовку тишине раздалось необычное звучное и мелодичное лопотание — оно эхом отзывалось в окрестных скалах и лесах.

— Заяц-шаман! Заяц-шаман! — закричал я и со всех ног бросился за бабушкой.

Она вышла из юрты и улыбнулась:

— Да! Ты не ошибся.

Мы примолкли, вслушиваясь в странные, непрерывные звуки. И вдруг бабушка шёпотом начала «переводить» мне заячью песню:

Ты лежи, лежи,
Ты блести, блести,
Пока тут лежишь,
Будешь цел-здоров.
А что дальше с тобой станет,
Того не ведаю.
Дот-доот!
Дот-доот!
Ты лежи-блести
Долго ль, коротко,
Как отсюда сбежишь,
Потеряешься.
А что дальше с тобой станет,
Того не ведаю.
Дот-доот!
Дот-доот!

— А кто лежит? Кто блестит? — стал я теребить бабушку вопросами.

— Тихо, тихо! — загадочно улыбнулась она. — Подумай, сам поймёшь.

Но сколько я ни морщил лоб, догадаться не мог.

— Заячик поёт о снеге! — сказала бабушка. — Видишь, сколько его здесь? И как он сверкает? Но ведь ему недолго лежать, верно? Скоро весна, начнёт таять. Вот заяц и горюет оттого, что не знает, какая судьба ждёт весь этот красивый белый снег...

ЖЁЛТАЯ ВОДА

Когда снег становится мягким и ноздреватым, выходят из своих норок суслики. Весело приветствуют они наступающий день, глядя на порозовевшее от зари небо и встающее солнце.

— Суслики веселятся, — говорит тогда бабушка. — Жди теперь скоро жёлтой воды.

И правда: недели не проходит, как высохшее старое русло речушки заполняется вешними водами.

— А почему вода жёлтая? — спрашиваю я у старших.

— Потому что там, откуда она бежит, растут старые ели и кедр, — поясняет бабушка. — Вот вода и впитывает сок их корней.

Неподалёку от наших юрт тоже есть кедровый и ельник. Упавшие шишки — мои любимые игрушки. Набрав их полные пазухи, мы, дети, бежим к жёлтой воде и швыряем шишки в бурно несущийся поток. Они крутятся, подпрыгивают на волнах — и вот уже стремительно мчатся по течению. Нам кажется, что это кони на скачках.

— Мой! Мой придёт быстрее! — кричим мы.

— Нет, мой!

Как я мечтал, что окажусь победителем в этом состязании, и, бегая по берегу, поощрял воплями своего резвого коня-шишку. В то время я не знал, что удача моя зависит лишь от жёлтой воды...

ПЕСНЯ ИВОЛГИ

Пройдут тёплые ветры, и снег, лежавший на северном склоне горы белой овчиной, съёживается и исче-

зает. По вечерам всё дольше бывает светло, а резвящихся ягнят и козлят просто невозможно загнать на ночь. И мне самому весело так же, как им. Я тоже радуюсь концу долгой зимы, весенним запахам, простору и свободе. Наконец, мне удаётся поймать последнего озорника — пушистого дымчатого козлёнка, — привязать его подальше от взрослого скота, и тогда в аале становится тихо.

Загораются первые звёзды. Из бабушкиной юрты аппетитно пахнет мясной похлёбкой с ячменем. Сейчас придут старшие, и мы все усядемся вокруг очага ужинать, а вернее — обедать: «главная» еда у тувинцев-кочевников во времена моего детства готовилась вечером.

Только мы приступили к вечернему супу, как в открытые двери юрты долетел тоненький голос иволги.

— Быа-сарыг поёт, — улыбнулась бабушка. — Пора готовиться к севу. И чтобы вы об этом не забыли, птица будет звенеть всю ночь.

И точно — иволга распевает чуть не до самого утра. Помолчит-помолчит — и снова заводит свою песню.

Под пение иволги я впервые сел на вола и принял участие в пахоте. Отец взялся за соху, которую сделал сам, а мне показал, как водить воловью упряжку по бороздам. Я вооружился длинным кнутом из красной таволги, и мы принялись обрабатывать поле. Работали целый день, и я всё время прислушивался: а вдруг иволга снова подаст свой голос, как на заре? Но днём она помалкивала. Потом бабушка мне рассказала, что быа-сарыг — ночная птица и поёт только в темноте.

Мы засеяли вспаханное поле ячменём, разбрасывая его пригоршнями в разные стороны. Отец был очень доволен моей помощью.

— Молодец! — хвалит меня и бабушка. — Скоро взойдёт твой первый хлеб. Нынче иволга поёт особенно звонко, — значит, полю не грозят никакие заморозки.

Будет хороший урожай.

Перевела с тувинского Э. Фонякова.

ПРО ЧЁРНУЮ НОЧЬ, ЧЁРНУЮ СОБАКУ, ОСЛА И ЛУНУ

Начнём с выполнения обещания. В прошлый раз мы обещали научить вас делать в театре теней собаку. Смотрите, как это делается.

Вы опять складываете ладошки вместе, как будто собираетесь показать волка. Только на этот раз правой ладонью вы обхватываете левую ладонь так, чтобы четыре пальца её были свободны и слегка наклонены вниз. Левый мизинец чуть оттопырен. Большие пальцы не соединены друг с другом и смотрят вверх.

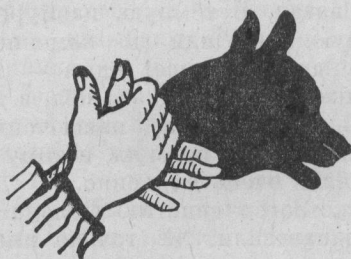
Поняли? Теперь тренируйтесь.

Собака на экране вышла чёрная, вовсе не похожая на своих белых, бежевых и коричневых лохматых собратьев. Ну, а вы, возможно, знаете, что некоторые животные, появившиеся на свет с чёрной окраской — коты, например, или курицы, — были наделены в народных поверьях волшебным даром. И не всегда, к сожалению, добрым. Так случилось и с нашей чёрной собакой. Она попала в волшебную сказку, которую много веков назад рассказывали южные славяне.

...Было время, когда каждую ночь — только тьма опустится на землю — выезжал на мост небесный, перекинутый с одного конца земли на другой, воз. Запряжены в него были семь волов. Все как на подбор — сильные, упрямые, глаза в ночном небе горят звёздами. Тянут волю воз упрямо, ни на минуту остановиться не могут — путь с од-

ного края земли на другой далёк, небесный мост крут.

Но тут бросается на них чёрная собака и давай упряжь драть. Волы торопятся, потому что если перегрызёт собака до рассвета упряжь, развалится весь небесный порядок, раскатятся звёзды и не навести будет в небе мост с одного конца земли на другой.

собака

И собака торопится, потому что если не успеет она до рассвета сделать своё чёрное дело, растает она, как дым, как сон, как тень в солнечный день.

Грызёт собака упряжь, а кожа жёсткая, крепкая. Устала собака, пить ей хочется...

— Успею, — решила, — сбегаю воды напиться и опять за дело!

А пока собака бегала, упряжь срослась, рассвет на небо поднялся и не пустил её на мост.

Так и ходят они по мосту каждую ночь: воз с волами и чёрная собака. И никто друг друга победить не может. Этот воз на небе может каждый увидеть. У нас он сейчас называется Большой Медведицей. Это — главное созвездие нашего неба. А чёрная собака — это

чёрная ночь, что ежедневно приходит на землю.

Ну, а теперь разожми пальцы, дай своим рукам отдохнуть. А лампу не выключай. Рано ещё. Мы сейчас с тобой отправимся на остров Корсика, в Средиземное море.

Имей в виду, что корсиканцы — отважный народ с крутым нравом и горячим характером. Но есть среди них и простаки, вроде нашего Иванушки. Про них корсиканцы тоже любят рассказывать сказки. А живут все эти простаки, как уверяют сказки, в одном городе — Бастиликке. Ты его и сейчас можешь найти на карте.

Ну так вот, история эта произошла по дороге в Бастилику много веков назад. В тёмную, пасмурную, ветреную ночь шли по каменистой дороге двое. Вернее, один — наш простак-бастиликачье — шёл, а другого — своего осла, навьюченного головками сыра, погонял, потому что тот плёлся очень медленно.

Идут. Ветер свистит. Облака всё небо занавесли. И только иногда ветер небесную занавеску отодвигает, и луна в небесное окошко выглядывает.

Дошёл бастиликачье с ослом до реки, нашёл брод. Надо реку переходить. Бастиликачье осла погоняет, а тот — ни с места. Ему, видишь ли, захотелось воды напиться.

И только осёл опустил морду в воду, как раз туча луну и закрыла. Темень — хоть глаз выколи!

— Ах ты, вредная тварь! — закричал бастиликачье. — Я тебе покажу, как луну глотать! — И осла своего палкой потчует. — Отдавай луну! Или всю Корсику без лунного света оставить задумал?! Ну погоди!

И застучала палка по хребту бедного осла, будто дождь по крыше дома забарабанил.

Ветер переменялся. Выглянула луна. Смотрит с неба, что там у реки творится.

— Ну вот, — говорит обрадованный бастиликачье, — я знал, что тебе придётся луну выплюнуть!

А тут то ли ветер переменялся, то ли луне смешно стало, спряталась она за небесные занавески, — темно стало.

Опять раскричался бастиликачье — пуще прежнего:

— Ах, тебе мало?! — кричит. — Ты, видно, хочешь, чтобы твой хо-

зьян в этакой темени себе шею свернул? Верни луну, добром тебе говорю!

Что тут началось, никто толком рассказать не может, — темно было. Но только упал осёл к ногам хозяина замертво.

Вышла луна на небо. Печально посмотрела на землю.

Взвалил бастиликачю головки сыра себе на спину, перешёл реку вброд и зашагал по дороге — один-одинёшенек. Идёт, а про себя всё осла ругает, а свою храбрость хвалит — ведь это он, бастиликачю, Корсике луну вернул.

Вот такая история произошла когда-то на дороге, что ведёт в Бастилику.

А если ты хочешь узнать, как выглядел тот бедолага-осёл, перевери страницу и выполни наше домашнее задание.

А теперь мы с тобой остановимся у витрины с марионетками турецкого театра теней Карагёз.

Карагёз — это театр-балаган. Театр ярмарочный, смешанный и издевающийся. И главный его герой — Карагёз — сродни нашему балаганному Петрушке. Так же, как и Петрушка, вот уже ни много ни мало — шесть веков Карагёз смешит толпу и всегда остаётся её любимцем.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: КАРАГЁЗ — ЧЁРНЫЙ ГЛАЗ

Маленький плешистый человечек — он очень любит носить тюрбан! — с блестящими чёрными глазами и повадками заправского забияки... Как он попал в Турцию, где родился?

На этот вопрос есть несколько ответов.

Одни утверждают, что он приехал сюда из Византии.

Другие говорят — что из Персии, и даже называют его прямого родственника — плешивого ярмарочного великана Кечель Пехлевана, который на протяжении веков появлялся на персидских базарах.

Третьи — что родился Карагёз в Турции и были у него прототипы — живые люди, память о которых сохранил народ. Рассказывают, будто Карагёз был рабочим, а его верный друг Хаджейват — надсмотрщиком, и так они любили посмеяться над тем, что вокруг себя видели, что их однажды арестовали и казнили. Рассказывают и по-другому: Карагёз и Хаджейват были придворными — тоже не дураками посмеяться, — их казнили, но однажды, когда верховному правителю взгрустнулось, первый министр показал ему представление теневого театра, в котором участвовали тени Карагёза и Хаджейвата. Было это в XIV веке, и с тех пор Карагёз — желанный гость каждой турецкой кофейни.

Всё может быть. Одно — точно. Турецкому теневого театру действительно шесть веков. Шесть веков искусные мастера вырезали из высушенной верблюжьей кожи и раскрашивали фигурки марионеток: Ка-

рагёза, Хаджейвата, амазонки... И когда «труппа» была в полном сборе, директор театра (он же режиссёр, автор текста — всё в одном лице), короче говоря, карагёзжи, складывал «артистов» в ящик и приходил к хозяину кофейни.

Хозяин натягивал в дальнем углу помещения экран из светлой материи, вешал масляную лампу, а под ней пристраивался наш карагёзжи.

Специальной палочкой передвигал

он марионетки по экрану, сам придумывал для них монологи и диалоги, по своей воле запутывал и распутывал интриги, хлёстким и метким словом разрешал неразрешимые ситуации. И рождалось настоящее царство балагана, стихия смеха.

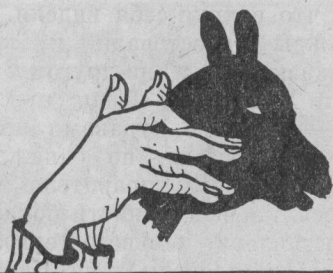
Карагёзжи переходил из кофейни в кофейню, переезжал из города в город, и его герой Карагёз — Чёрный Глаз — всегда оставался в сердцах зрителей.

Рис. Л. Московского

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

В труппе актёров нашего теневого театра — прибавление. Сегодня мы с вами тренируемся и делаем новую фигуру — осла. Да-да, того самого незадачливого осла, о котором ты услышал сказку во время представления.

Итак, начали. Соединили кисти рук ладонями внутрь. Вместе соединены и средние пальцы. Безымянный палец и мизинец отведены вниз, причём безымянный палец спрятался под мизинец. Это осёл, наверное, говорит:

осёл

— И-а! И-а! Не глотал я луну! Я просто пить хотел...

А вот два больших пальца, которые торчат вверх, образуют на экране уши осла. Видите, торчком стоят!

Что делают указательные пальцы? А вот что. Указательный палец левой руки прижат к среднему, а указатель-

ный палец правой руки лежит на них сверху так, чтобы в его сгибе образовалась небольшая дырочка — это ослиный глаз.

В теновом театре осёл — фигура нелёгкая, поэтому торопиться не нужно. Внимательно смотрите на картинку, на изображение на экране. Раз не получилось, попробуйте ещё.

Получится обязательно!

Вторая часть задания — сказка про чёрную собаку и осла. Мы вам свою сказку рассказали, а вы нам расскажите свою.

Так что ждём ваших писем со сказками.

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ (шестьдесят третье)
Ведёт заседание почётный председатель Клуба
юных коллекционеров В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Неизменным успехом у наших читателей пользуется калейдоскоп. Но в отличие от предыдущих калейдоскопов в нынешнем, по просьбе филателистов, речь будет идти только о марках. Он и называться будет калейдоскоп филателиста.

И ещё на одну читательскую просьбу мы сегодня откликнемся. Многим коллекционерам понравился наш рассказ об Алмазном фонде СССР, и они просили вернуться к этой теме. Пожалуйста. Знакомьтесь в этом номере с алмазом по имени Шах.

Калейдоскоп филателиста

ВОСЬМОЕ МАРТА

До Великой Октябрьской социалистической революции в российском парламенте (Государственной думе) среди депутатов не было ни одной женщины. И это не являло собой какой-нибудь нелепой случайности: женщины в России были лишены избирательного права.

Равно как и во многих европейских государствах.

Власти предрежающие упорно не хотели замечать, что мир меняется и за окном уже не патриархальный восемнадцатый век.

На дворе был век двадцатый. Женщина-работница, женщина-педагог, женщина-учёный становились понятиями обычными, становились социальной силой.

Всё большее число женщин принимали участие в революционной борьбе.

...В марте 1910 года в столице Дании Копенгагене состоялась Международная конференция женщин-социалисток. На конференции была и видная деятельница германского рабочего движения, одна из основателей Германской коммунистической партии — Клара Цеткин. По её предложению делегатки конференции приняли решение — объявить день 8 марта Международным женским днём и потребовать от своих правительств гарантированного избира-

тельного права — то есть участия всех женщин в общественной и политической жизни своих стран.

Так что праздник 8 Марта — это ещё и праздник политический.

Впервые он был проведён в 1911 году женскими организациями Австрии и Германии. Через два года — женщинами Франции и России. В России — наперекор запрещению правительства. Впрочем, через четыре с половиной года это запрещение перестало действовать — в Россию

пришла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Две близко стоящие даты: 1910-й и 1917 год.

Посмотрите, как основательно изменился мир с тех пор! И какой вес приобрели в этом изменившемся мире женщины!

Женщины-космонавты, женщины — директора фабрик, женщины — председатели колхозов, женщины — депутаты парламентов, женщины-министры!

Давайте поздравим всех женщин с их днём!

О ТОМ, КАК ПОЛЕЗНО ИЗУЧАТЬ КАТАЛОГИ

Много лет назад мне в руки (я тогда ещё только собирался стать филателистом) попала незнакомая марка.

С моим приятелем, таким же начинающим знатоком, мы внимательно изучили бывший у нас старенький иностранный каталог, но моей марки в нём не нашли. «А раз её нет, — рассудили мы, — значит, моя марка вовсе не марка».

И по совету приятеля, я с лёгким сердцем с ней расстался.

Это вступление для тех, кто в определении коллекционной ценности марки полагается только на мудрость одного какого-нибудь каталога, забывая, что на свете существуют десятки различных каталогов.

Если нет в одном, нужно загля-

нуть в другой, третий, наконец, поискать в специализированном.

Очень может быть, что в конце такого путешествия неопознанная марка вдруг принесёт сюрприз...

...Хорошо известно, что первые общегосударственные авиапочтовые марки были выпущены в Италии в 1917 году. Однако большинство аэрофилателистов вполне справедливо полагают, что их днём рождения следует считать 1912 год. Причём никто из них не посягает на приоритет итальянской почты.

В чём же дело?

Оказывается, в 1912 году одна немецкая авиационная фирма в целях популяризации дирижаблей и самолётов (не следует забывать: авиация ещё только зарождалась, многие обыватели испуганно крестились при виде «летающих этажерок») решила провести «Неделю воздушной почты». Были заказаны и выпущены специальные открытки и серия из трёх марок достоинством 10, 20 и 30 пфеннигов. Любой желающий мог отправить почтовым дирижаблем или самолётом послание знакомым в города Дармштадт, Франкфурт-на-Майне, Оффенбах или Вормс.

Хотя выпуск этот считается полуофициальным (проведён он был с ведома государственной почты, но осуществлён частной фирмой), тем не менее марки и открытки «Недели...» — всегда желанные гости на страницах любой авиаколлекции.

Скажем больше: даже опытные филателисты годами безрезультатно их ищут.

Теперь вы уже, вероятно, догадались — в своё время у меня в руках была одна из таких марок...

АЛМАЗ «ШАХ»

Перед вами три почтовые миниатюры: на одной изображён поэт, драматург и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов, на другой — известный советский минералог и геохимик академик Александр Евгеньевич Ферсман, на третьей драгоценный камень — алмаз «Шах»,

экспонат из государственной коллекции СССР. Можно ли их соединить?

Однако миниатюры помещены нами рядом не случайно.

...Среди самых знаменитых коллекций мира собрание Алмазного фонда СССР занимает одно из почетных мест.

В его экспозиции уникальные ювелирные изделия XVIII—XX веков, различные исторические регалии, редчайшие по красоте драгоценные камни (в том числе алмазы, изумруды, сапфиры, рубины и так далее), наконец, многокилограммовые золотые и платиновые самородки.

Основанный в 1719 году по указу Петра I, Алмазный фонд формировался почти двести лет. До 1913 года находился в Петербурге, в так называемой Бриллиантовой комнате Эрмитажа. В 1913 году — переехал в Москву.

За двести лет лишь немногие высшие чины Российской империи могли похвастать тем, что имели честь лицезреть (да и то по особо торжественным случаям) сокровища. Простым смертным доступ в Бриллиантовую комнату был закрыт. Только однажды самодержец всероссийский расщедрился и... соизволил разрешить воспроизвести на почтовых открытках несколько экспонатов фонда.

Впервые для всеобщего обозрения коллекция была открыта в 1925 году, сразу после того, как группа советских специалистов — историков, минералогов, искусствоведов и экс-

пертов-ювелиров — по заданию Академии наук СССР завершила первое с 1719 года научное описание фонда.

Описание заняло четыре внушительных альбома. Изданы они были в 1922—1926 годах. Вероятно, количество альбомов было бы большим, если бы не старания последних российских царей: по их распоряжению многие уникальные экспонаты были проданы с аукциона (перестали нравиться) или отправлены в переплавку...

Так что, употребив выражение «коллекция формировалась почти двести лет», мы погрешили против истины: коллекция одновременно и формировалась и... разорялась.

Впрочем, российские самодержцы в своём отношении к истории и науке не были одиноки. В конце прошлого века на одном из золотых приисков Австралии был найден крупнейший в мире самородок весом более двухсот килограммов! Но жизнь его оказалась короткой: он был безжалостно переплавлен в слитки. Похожая участь постигла и крупнейший в мире алмаз, найденный в Южной Африке: он был с завидным усердием распилен на девятьсот шесть кусков...

Академик Ферсман, впервые ознакомившись с собранием (Ферсман был одним из составителей альбомов и крупнейшим у нас в стране знатоком камня), при описании драгоценностей не смог довольствоваться лишь строгими научными терминами. Для определения художественных достоинств коллекции их оказалось мало. По подсчётам дошлых статистиков, академик употребил пятьдесят раз эпитет «прекрасный», девятнадцать раз эпитет «дивный», и восемнадцать раз эпитет «исключительный».

А. Е. Ферсмана понять можно — коллекция, несмотря на многочисленные потери, была действительно уникальна.

И не только с художественной и исторической точек зрения.

С научной тоже.

...Алмаз «Шах» по своей величине занимает в коллекции отнюдь не первое место.

Ему трудно соперничать с такими гигантами, как «Звезда Якутии», «Революционер Бабушкин», «60 лет Октября» или старинным алмазом «Орлов», но он известен не менее, чем они. Хотя известность его несколько печальна.

Алмаз «Шах» был найден в XVI веке в Индии, затем в качестве военного трофея был увезён в Персию, а в 1829 году оказался в Эрмитажной Бриллиантовой кладовой.

Последнее его путешествие связано с именем Александра Сергеевича Грибоедова. 30 января 1829 года писатель и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов был убит в Тегеране. Чтобы умиловить русского царя, персидский владыка отправил с нарочным в Петербург одну из лучших своих драгоценностей — алмаз «Шах».

Российский император был удовлетворён. Так бриллиантовым подарком весом в 88,7 карата была оплачена гибель великого русского писателя.

Российские государи считали коллекцию драгоценностей своей собственностью и распоряжались ею по своему неразумному усмотрению. В Советской стране сокровища Алмазного фонда — достояние всего государства. Даже в тяжёлые годы гражданской и Великой Отечественной войн ни один экспонат фонда не был использован для нужд обороны...

Естественно, любая коллекция, если она находится в руках рачительного хозяина, должна время от времени пополняться.

Экспозиция Алмазного фонда СССР тоже постоянно пополняется. Здесь и находки советских геологов, и ювелирные изделия лучших советских мастеров...

Между смекалистами, которые пришлют правильные ответы на опубликованные в этом номере головоломки, будет разыгран приз. Ответы принимаются до 1 июня.

КОНКУРС «ДОРОГАМИ ПОБЕДЫ»

СЛОЖЕНИЕ

Составил Женя Данилушкин
(153-я школа)

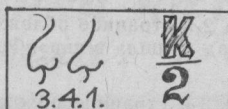
	2	3	4	7	8
1	А	Г	Д	Е	И
5	Л	М	Н	О	С
6	У	Ц	Ш	Ы	●

8.7.9.9.3. / 8.7.3.5.10.8.4.12.
13.13.9.3. _____

Раскрыв секрет головоломки, прочтите название книги о пионере-герое. Как его имя? Как называется книга и кто её автор? (4 очка).

МИКРОРЕБУС

Составила Лена Смелова
(83-я школа)

Разгадав ребус, получите название другой книги о войне. Как называется книга и кто её автор? (2 очка)

ДРОБИ

Составил Сергей Иванов
(268-я школа)

Разгадав секрет дробей, прочтите название урока, который можно встретить в школьном расписании (3 очка)

$$\frac{3}{11} \cdot \frac{1}{7} \cdot \frac{1}{3} \cdot \frac{2}{8} \cdot \frac{2}{3} \cdot \frac{3}{11} \cdot \frac{2}{5} = ?$$

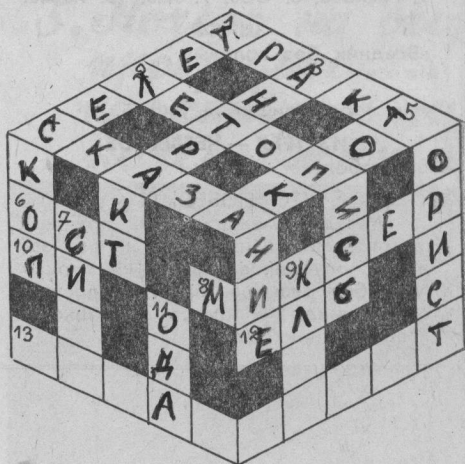
Отдел ведет Н. А. САДОВЫЙ

КУБИЧЕСКИЙ РЕБУС

Такого ребуса в «Искорке» ещё не было. Здесь нет слов «по вертикали и по горизонтали», потому что у каждого слова (кроме первых) свой номер.

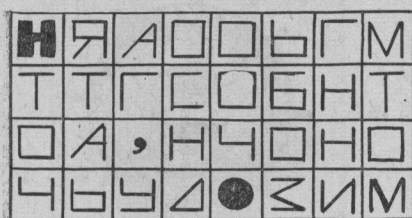
Слова такие: 1. (влево) Астрономический прибор. 1. (вправо) Сельская профессия. 2. Вид древней повествовательной литературы в России. 3. Перерыв в спектакле, концерте. 4. Фольклорное произведение легендарного характера. 5. Устройство для сжигания топлива. 6. Мор-

ское название части света. 7. Ирландский драматург и поэт. 8. Прибор для сбивания крема и коктейлей. 9. Бельгийский биохимик. 10. Греческая буква, которую используют для обозначения длины окружности. 11. Вид поэтического произведения. 12. Хвойное дерево. 13. Вымершее пресмыкающееся (5 очков)

ХОДОМ КОНЯ

Составил Андрей Крюков
(149-я школа)

Ходом шахматного коня прочтите русскую пословицу (4 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

(Ответы к «Искорке» № 1)
ЦЕПОЧКА

«Землю спасая, мир защищая, шёл солдат вперёд». Стихи М. Матусовского к песне «Баллада о солдате».

ПЛЕТЁНКА

«Если армия сильна, непобедима и страна».

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Ока. 5. Генерал. 8. Бриг. 9. Указ. 11. Варшава. 12. Пар. По вертикали: 2. Клещ. 3. Пеликан. 4. Раскова. 6. Обь. 7. Язь. 10. Яшма.

ШИФР

«Всадник без головы».

РЕБУС

«Не пером пишут, а умом».

ИЗ ТРЁХ — ЧЕТВЁРТОЕ

Баскетбол.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 1, был разыгран приз. Он достался ученице 5-6 класса 35-й школы Гале Канунниковой.

СОДЕРЖАНИЕ

Про красных следопытов и мою бабушку. Стихотворение Льва Кукулина	1
Голубое стекло. Продолжение повести Николая Внукова	2
Искорка советует: прочти эту книгу	6
Из военных тетрадей. Стихотворения Вадима Шефнера	18
Профессор. Рассказ Василия Пулькина	21
Штиблет. Рассказ Юрия Калинина	23
Рассказы об экономике. Рассказ третий. Яблоко раздора. Рассказчик В. Ковичев	26
Сказка о богатстве, коварстве и любви Льва Гаврилова	32
«Всем сердцем с вами». Страницы воспоминаний Ольги Ломан о К. И. Чуковском	36
Стихи о весенних дождях Али Промышлянской и Кати Самохваловой	39
Единственный в мире. Продолжение очерка Василия Островского	40
Из рассказов о Севере В. Тугановой	46
Бабушкин календарь. Рассказы о природе Монгуш Кенин-Лопсана	51
Театр теней. Вечер третий. Руководит театром Ольга Кустова	55
Калейдоскоп филателиста (Клуб юного коллекционера)	59
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок В. Меньшикова «Ждём скворцов!»

На 2-й странице обложки — «В Ленинград пришла весна». Фото А. Дроздова.

На 3-й странице обложки — «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова.

На 4-й странице обложки рассказы в картинках Л. Каминского.

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55. Сдано в набор 31.01.85. Подписано к печати 15.03.85. М-17572. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 60 000 экз. Заказ № 813. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следуют, или Тропинка в лес

1. В марте голодно
в лесу! Объела?...
почки еловые,
кончики на снег
бросила.

2. Из леса приле-
тела к дому
голодная?... ,
хватает
всё подряд.

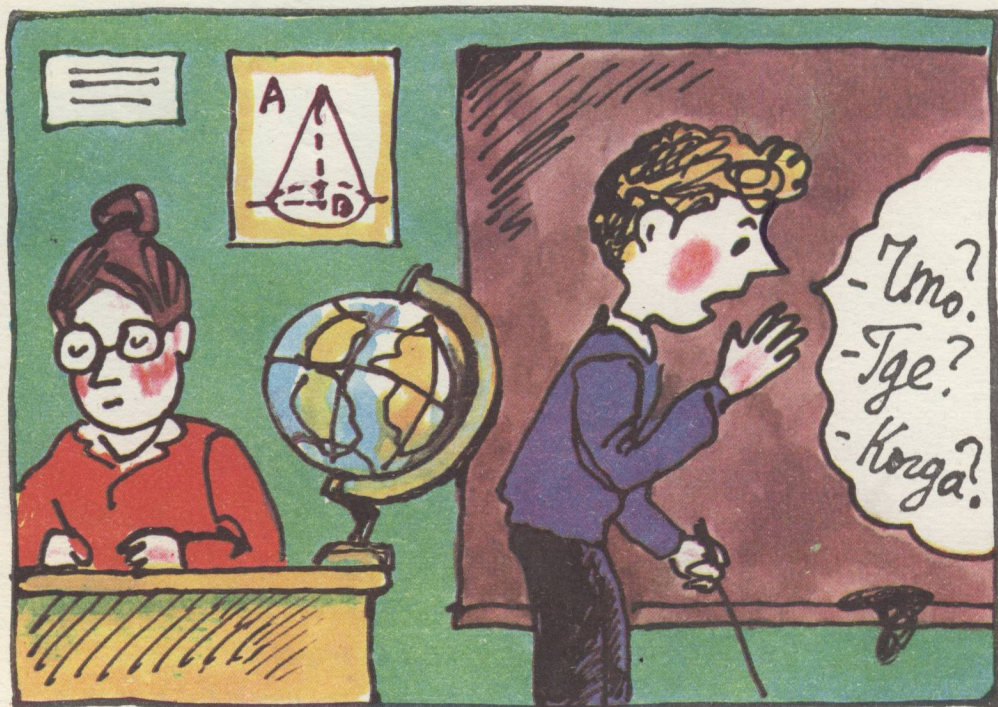
3. Ночью на огород
пробрался... :
не осталось ли хост
кочерыжки ?

4. Даже ловкач...
прискакал из леса —
саран, албары и
погреба проверять —
мышей ловить .
Март хоть и весен-
ний месяц, а самый
голодный .

ВЕСЬ ВЕЧЕР КОСТЯ СУНДУКОВ
СЛЕДИЛ ЗА МАТЧЕМ ЗНАТОКОВ.

ЗАТО НАУТРО НАШ „ЗНАТОК“
ОТВЕТИТЬ НИЧЕГО НЕ СМОГ...